

Владимир Разуваев

Комментарии к «Государю» Макиавелли

Владимир Разуваев

**Комментарии к
«Государю» Макиавелли**

«ЦГИ Принт»

2018

УДК 18.01
ББК 85

Разуваев В. В.

Комментарии к «Государю» Макиавелли / В. В. Разуваев —
«ЦГИ Принт», 2018

ISBN 978-5-98712-201-3

Книга посвящена подробному комментированию самой знаменитой работы Макиавелли «Государь». Написанная 500 лет назад, она и сейчас привлекает огромное внимание. Макиавелли называют основоположником политологии, человеком опередившим свое время. Его идеи оказали влияние на Гоббса, Руссо, Спинозу, Харрингтона, Гегеля. Идеи Макиавелли были востребованы Декартом, Фрэнсисом Бэконом, Ришелье и Декартом. В результате влияния работ флорентийца начала формироваться концепция государственного интереса. Макиавелли восхищались и жестоко критиковали. Книга предназначена широкому кругу тех, кто интересуется политикой и историей. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 18.01

ББК 85

ISBN 978-5-98712-201-3

© Разуваев В. В., 2018

© ЦГИ Принт, 2018

Содержание

Введение	6
Государь	21
Посвящение	22
Глава 1	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Разуваев

Комментарии к «Государю» Макиавелли

© Разуваев В., 2014

© Центр гуманитарных инициатив, 2014

* * *

*Моей жене Лилии
и ее родителям Владимиру и Людмиле*

Введение

Общепризнанно, что современная политология началась с «Государя» Макиавелли. Фактически, если речь идет о ее нынешнем виде, он ее создал, если иметь в виду революционные принципы, с которыми флорентийский автор подошел к изложению своих идей. Маленькая книжка за несколько сотен лет серьезнейшим образом повлияла на ученых, политиков и все политические сообщества сначала Европы, а затем и всего мира. Понятие «макиавеллизм» стало нарицательным, а чтение этой работы фактически оказалось обязательным для всех, кто всерьез занимается общественными науками. Впрочем, даже не читавшие книгу, по крайней мере слышали о Макиавелли и его труде.

Неудивительно, что творчество одного из самых знаменитых флорентийцев вышло за пределы чистой политологии и стало культурным явлением. Сейчас мало кому придет в голову отрицать, что понимание эпохи Ренессанса немыслимо без учета вклада в нее первого политолога в современном смысле этого слова¹. А постоянная дискуссия вокруг взглядов Макиавелли сделала его творчество культурным элементом и последующих эпох.

На этом фоне понятно, что творчество Никколо (пусть он простит меня за формальное панибратство) вызывает огромный интерес среди политологов. Библиография работ, посвященных флорентийцу, огромна и увеличивается с каждым годом². Одолеть все труды о нем едва ли возможно, разве что какой-нибудь уже состоявшийся полиглот (а соответствующие публикации вышли на большинстве языков мира) не решит посвятить этому свою оставшуюся жизнь. Исследованию подвергаются как жизнь Макиавелли³, так его труды и воздействие последних на мировую политику и культуру.

И самой знаменитой из работ Макиавелли стал «Государь». Как ни удивительно, число подробных комментариев к этой работе очень мало. Точнее – их вообще нет. Лучшим образцом на сегодняшний день является, на мой взгляд, исследование Алана Гилберта⁴, хотя есть и варианты, ориентированные на нужды студентов, бегло изучающих данный труд, и адаптированные для быстрого чтения⁵. И нет ни одного подробного комментария русских авторов, что, в общем-то, неудивительно, учитывая сложное отношение к Никколо в советское время. Довольно характерно, что до сих пор сохраняет свою актуальность вступительная статья А. К. Дживелегова к первому советскому изданию «Государя».

Между тем, в последнее время появилось много книг, которые либо прямо называются «новый Макиавелли», либо так или иначе имеют дело с переосмысливанием его идей не только для политики нашего времени, но и для различных социальных групп (и даже полов) совре-

---

¹ См., например, Chabod F. *Machiavelli and the Renaissance*. London: Bowes and Bowes, 1958; Canfora D. *Prima di Machiavelli. Politica e cultura in età umanistica*. Bari: Laterza, 2005; Simonetta M. *Rinascimento segreto. Il mondo del Segretario da Petrarca a Machiavelli*. Milano: Franco Angeli, 2004

² Библиография работ Макиавелли с начала их публикаций в течении первого времени представлена в Bertelli S., Innocenti P. *Bibliografica Machiavelliana*. Verona: Edizioni Valdonega, 1979. Там же – описание первых работ о трудах Макиавелли. Библиографии работ о Макиавелли см. также Norsa A. *Il principio della forza nel pensiero politico di Niccolò Machiavelli seguito da un contributo bibliografico*. Milan: Ulrico Hoepli, 1936 (библиография охватывает произведения, изданные с 1740 по 1935 г.) и Ruffo Fiore S. *Niccolò Machiavelli. An annotated bibliography of modern criticism and scholarship*. Westport (Conn.): Greenwood press, 1990 (библиография опубликованных работ с 1935 по 1988 гг.).

³ См., например, Виллари П. *Никколо Макиавелли и его время*. Т. 1. М., 1914; Жиль К. *Никколо Макиавелли*. М.: Молодая гвардия, 2005; Каппони Н. *Макиавелли*. М.: Вече, 2012; Фрайер Х. *Макиавелли*. СПб: Владимир Даль, 2011; Bausi F. *Machiavelli*. Roma: Salerno, 2005; Dotti U. *Machiavelli rivoluzionario. Vita e opera*. Roma: Carocci, 2003; Hale J.R. *Machiavelli and Renaissance Italy*. London: English universities press, 1961; Prezzolini G. *Vita di Niccolò Machiavelli fiorentino*. Milan: Vondadori, 1960; Ridolfi R. *Vita di Niccolò Machiavelli*, 2 vols. Florence: Sansoni, 1969. Rome: Angelo Belardetti Editore, 1954

⁴ Gilbert A.H., *Machiavelli's «Prince» and Its forerunners: «The Prince» as a typical book «de Regimine Principum»* New York, Barnes & Noble [1968, ©1938]

⁵ Magedanz S. *The Prince*. N.Y.: Wiley publishing, 2001

менного общества⁶. Наверное, это естественно, учитывая вклад флорентийца в политологию и вообще в гуманитарные науки, а также популярность его идей и особенно имени. Сейчас это принято называть брендом. Что ж, история временами воздаст своим героям сверх ими ожидаемого.

Италия времен Макиавелли находилась в очень сложной политической и экономической ситуации. Это была страна, точнее в те годы территория, где Возрождение проявило себя сильнее, чем в других европейских государствах. Достаточно сказать, что Микеланджело, Леонардо, Рафаэль и Тициан (да и не только они из великих людей) были современниками основателя современной политологии (кстати, с двумя первыми из них он был знаком лично). Притом экономика Италии находилась в стагнации, а политику определяли раздробленность и соперничество многочисленных государств. Среди них доминировали пять политических образований: Венеция, Флоренция, Милан, Папское государство (включавшее в себя и Рим) и Неаполитанское королевство.

Ситуация резко осложнилась, когда герцог Милана Лодовико Сфорца^{*7} призвал французов в Италию, обещая поддержать династические претензии Карла VIII на Неаполитанское королевство (т. наз. Анжуйское наследство) и надеясь, что взамен Париж поддержит его в территориальных спорах с Венецией. Вторжение, начавшееся в августе 1494 г., прошло на удивление легко. В двенадцатой главе своей книги Макиавелли напишет, что французскому монарху *«и впрямь удалось захватить Италию с помощью куска мела»*. (Речь шла о том, что кусками мела идущие впереди армии квартиреры размечали дома для постоя наступающих французских войск). В феврале 1495 г. Карл взял Неаполь. Другое дело, что срочно образовавшаяся антифранцузская коалиция, в которую вошел даже все тот же Сфорца, заставила французов покинуть Италию.

В 1499 г. преемник Карла Людовик XII вторгся в Италию, претендуя уже не только на Неаполь, но и на Милан, на который у него были наследственные права по линии матери. Французский король опирался на альянс с папой Александром VII (Борджиа)*. (Для укрепления своих политических позиций во Франции Людовику нужен был развод со своей женой, дабы жениться на вдове Карла VIII). Сделка была циничной, впрочем, вполне в духе того времени. Папа дал согласие на развод, а Людовик взамен пообещал помочь его сыну, Чезаре (еще один вариант перевода – Цезарь) Борджиа (вариант – Борджа)*, завоевать входившую в состав Папского государства Романью, где формальные наместники Ватикана давно уже чувствовали себя полностью независимыми. Кроме того, у союзников были территориальные претензии к Неаполю.

Дальнейшие события так или иначе описаны в нижеследующих комментариях. Здесь, вероятно, следует лишь подчеркнуть, что при жизни Макиавелли, да и на много времени после нее, присутствие иностранной военной силы (вслед за Францией в Италию вторглись испанские войска), постоянные военные действия и повсеместное насилие стали тяжелейшей реальностью для этой страны. Для него было совершенно очевидно, что изгнать их может только успешный государственный деятель новой формации. Отсюда, собственно говоря, отчасти и тот подход, который сделал флорентийца великим в мировой политике и мировой политологии.

Теперь пришло время перейти непосредственно к автору «Государя». Никколо Пьеро Микеле Макиавелли, сын Бернардо Макиавелли*, родился во Флоренции 4 мая 1469 г. в семье бедного юриста почти сразу же после начала правления Лоренцо Медичи*, прозванного Великолепным. Герб семьи – синий крест на белом фоне, позднее были добавлены четыре гвоздя,

⁶ См., например, Моррис Д. Новый государь. Новая версия Макиавелли для двадцать первого века. М.: Группа Компаний «Николо М», 2003; Гарриет Р. Искусство управления мужчинами для принцессы. Макиавелли для женщин. М.: Рипол Классик, 2005; Назаров А. Укрощение строптивого. Руководство по любви в духе современного Макиавелли. М.: НТ Пресс, 2007

⁷ Здесь и далее звездочка означает наличие информации о данном лице в именном Указателе

mali clavelli, – символ «гибельных гвоздей» страстей Христовых. Бернардо был малообеспеченным юристом, политикой принципиально не занимался. Вполне достойный, хотя и очень скупой человек, книжник (этим уже многое сказано). Мать Никколо умерла в 1496 г. Вполне возможно, что Бернардо использовал свои старые связи, чтобы помочь сыну в устройстве на государственную службу.

В семье было четверо детей – два брата и две сестры. Никколо был старшим сыном, соответственно наследником Бернардо. О его детстве и юности почти ничего не известно, за исключением крайне скудных фактов. Обучался в школе при монастыре Сан-Бенедетто, учился читать и писать по латыни. Это было очень важно, поскольку именно на этом языке в то время велось делопроизводство. С целью усовершенствовать свою латынь в ноябре 1481 г. начинает учиться в школе Паоло да Ронсильоне, признанного знатока этого языка⁸. Есть неподтвержденное предположение, что во второй половине 1480-х посещал Флорентийский университет и даже слушал там лекции Марчелло Адриани* (следует уточнить, что Адриани официально был профессором этого университета с 1494 г. по 1503 г., так что здесь имеет место хронологическая нестыковка). Во всяком случае, есть все основания говорить о его неплохом знакомстве с латинскими классиками⁹. Едва ли он был в контакте с кружком гуманистов Медичи – по целому ряду причин.

Есть версия, согласно которой Никколо где-то после 1489 г. жил и работал в Риме в качестве банковского служащего¹⁰. В адрес автора этой догадки последовала жестокая критика¹¹. На деле доказать что либо или опровергнуть сейчас практически невозможно. Тем не менее, данное предположение представляется крайне сомнительным и малоубедительным. В частности, потому что не подтверждается ни одним из последующих свидетельств, в том числе из переписки самого Макиавелли. Принято считать, что Никколо Макиавелли, работавший в Риме в банке, был попросту тезкой автора «Государя»¹², сын Алессандро, представителя другой ветви рода Макиавелли. В результате мы фактически ничего определенного не знаем о Никколо до 1498 г., когда он поступил на государственную службу после свержения Медичи и появления нового республиканского режима.

Занятые им сразу же посты – секретарь Второй канцелярии (Канцелярия внутренних дел) и секретарь Совета десяти. Дохода они приносили не так уж много, столь же мало было и реальной власти – Макиавелли стал исполнителем чужой воли, а не творцом политики. Поскольку исполнителем он был хорошим, то ему поручили вести еще и переписку Первой канцелярии (Канцелярия иностранных дел)¹³. Написанные им до «Государя» политические сочинения («О положении в Пизе», «О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны», «Обзор мероприятий Флорентийской республики по умиротворению партий в Пистойе» и др.) адресовались флорентийским властям, не претендуя на издание для широкой публики. Зато после начала бурной, хотя и посмертной, популярности Макиавелли они вызвали огромный интерес со стороны исследователей.

Макиавелли не раз поручали дипломатические миссии. Он встречался с несколькими виднейшими государственными деятелями Италии, четырежды ездил во Францию, посетил Германию. Во время поездок внешнеполитические решения не принимал, только информиро-

⁸ О полученном Макиавелли образовании см., например, Gilbert F. Machiavelli and Guicciardini: Politics and history in Sixteenth century Florence. Princeton: Princeton university press, 1965. P. 162

⁹ См. по этому поводу, например, Ellinger G. Die antiken Quellen der Staatslehre Machiavelli's. Tübingen, 1888

¹⁰ Maffei D. Il giovane Machiavelli banchiere con Berto Berti a Roma. Florence: Giunti-Barbera. 1973

¹¹ Gilbert F. Untitled review // American historical review. 1975. Vol. 80. P. 1319–1320; Martelli M. L'alto Niccolò Machiavelli // Rinascimento. 1974. T. 14. P. 39–100; Vasoli C. Niccolò Machiavelli, uno e due // Nuova rivista storica. 1976. T. 60. P. 384–400).

¹² Stephens J.N., Butter H.C. New light on Machiavelli // English historical review. 1982. Vol. 382. January. P. 55–56

¹³ Об этом периоде см., например, Viroli M. Niccolo's smile: A biography of Machiavelli. London: Tauris & Co Ltd, 2001. P. 29–38

вал правительство о своих переговорах. Правда, активно давал Синьории советы, однако та к ним не прислушивалась.

Был инициатором создания флорентийского ополчения, которое им мыслилось как противовес общепринятому в то время использованию профессиональных наемников. Однако реальное участие его детища в боевых действиях оказалось плачевным: оно было разгромлено испанцами при осаде Прато в 1512 г. При этом сам Макиавелли всю оставшуюся жизнь все равно был убежден, что ополчение по своим достоинствам неизмеримо превосходит наемное войско.

Нельзя сказать, что моральный облик нашего героя был бы достаточно высок. Известны две жалобы по поводу его криминального поведения, причем одна из них обвиняет его в «неестественном сексуальном акте» с куртизанкой Лукрецией¹⁴. В своих письмах друзьям он раскован в отношении своих сексуальных приключений, причем, честно говоря, трудно разобраться, где правда, а где обычное – увы – мужское бахвальство или желание потешить адресата. Добавим к этому обычную для флорентийцев склонность к черному юмору. Хотя, скорее всего, значительная доля истины в описаниях своих «подвигов» у будущего автора «Государя» все-таки была. Впрочем, это не касается прямо его интеллектуальной деятельности, а потому может быть оставлено нами «за скобками» в его кратком живописании.

Временами проявлял склонность к транжирству, в чем можно видеть реакцию на скудость отца. Был крайне самоуверен в отношении своего интеллектуального потенциала, из-за чего даже получил минимум одно обвинение в гордыне. Обладал прекрасным литературным стилем. Очень любил подшучивать над приятелями и над самим собой. Судя по переписке, в делах временами был небрежен и необязателен даже со своим правительством.

Радикальные перемены в его жизни настали в 1512 г., когда пожизненный гонфалоньер¹⁵ Флоренции Пьеро Содерини*, главный политический покровитель Макиавелли, вынужден был уйти в отставку и покинуть Флоренцию. К власти возвращается семейство Медичи. Секретарь Макиавелли отстранен от службы в ноябре того же года и приговорен к годичной ссылке. Это была личная катастрофа, с какой бы стороны не смотреть на происшедшее: лишение значительной части финансовых доходов, отлучение от нужной ему как наркотик политики, пропавшая возможность общаться с друзьями иначе как с помощью переписки.

Существует устойчивое мнение, что он хочет вернуться к государственной работе в рамках режима Медичи и с этой целью уже в ноябре 1512 г.¹⁶ пишет что-то вроде наставлений для них, причем советы свои основывает на принципе баланса сил в республике. Правящее семейство не обращает на рекомендации ни малейшего внимания. Больше того, вскоре Макиавелли был арестован по обвинению в заговоре против Медичи и подвергнут пытке дыбой. А затем попросту на некоторое время чуть ли не забыт в тюрьме: никакой политической ценности он не представлял, так что с ним можно было не считаться.

Его спасла амнистия по случаю избрания представителя рода Медичи кардинала Джованни Медичи папой, принявшего имя Лев X*. Макиавелли оказался свободен, пусть даже сослан в свою загородную усадьбу, однако работы для него у государства, естественно, нет. В этой ситуации он решает найти новых покровителей. Или, если угодно, вынужден их искать. Выбор невелик и его пришлось сделать в пользу дома Медичи. Было ли это изменой прежним принципам или нет, решать каждому по отдельности. В этой книге такая задача не стоит. Кроме

¹⁴ Обвинение было квалифицировано как недоказанное

¹⁵ Термин гонфалоньер означает буквально «знаменосец» (*gonfaloniere*) и имел в те времена в Италии разные значения. Во Флоренции это был часто меняемый глава администрации. В данном случае флорентийцы, определив термин как *пожизненный гонфалоньер*, сделали попытку дать Содерини что-то вроде полномочий венецианского дожа, который тоже назначался пожизненно (хотя имел меньше полномочий). Гонфалоньером временами называли также командующего армией, в частности папской. Таковым был, например, Чезаре Борджиа

¹⁶ Sasso G. Niccolò Machiavelli. Storia del suo pensiero politico. Naples: Istituto italiano per gli studi storici, 1958. P. 179

того, следует помнить, что Макиавелли убежден (правильно или нет – другой разговор), что освобождением он обязан новому правителю Флоренции Джулиано Медичи.

Для начала он пишет поэму, посвященную избранию Льва X. Засыпает письмами друзей с просьбой посодействовать ему в получении какого-то места в Риме, папском государстве или во Флоренции. Чаще всего направляет их Франческо Веттори*, своему другу, ставшему послом Флоренции при папском престоле незадолго до смерти бывшего папы Юлия II. В апреле и в июне 1513 г. посылает ему письма с анализом политических интересов Льва X в Италии и в Европе. Ответы часто оказывались уклончивыми. Возможно, Веттори не хотел рисковать своим карьерным положением ради изгнанника. Однако нередко принятые в литературе обвинения в его адрес в недостаточном внимании к Макиавелли явно несправедливы. Посол на деле немало сделал для своего опального друга¹⁷.

В результате флорентинец обращается к политическому сочинительству как к средству привлечь к себе внимание власть имущих. Ставка делается на «Государя». Период написания этой работы – небольшой, как и ее объем. Она должна была быть посвящена правителю Флоренции Джулиано Медичи.

Само по себе первое упоминание знаменитой книги довольно любопытно. 10 декабря 1513 г. Макиавелли описывает все тому же Веттори свою жизнь в деревне, где он находился в изгнании, причем делает это в шутиливой форме. День проходит в будничной суете и азартных играх с представителями местного населения. Но все это прелюдия к главному, которое автор «Государя» описывает следующим образом (я позволю себе здесь большую цитату – дело того стоит): «С наступлением вечера я возвращаюсь домой и вхожу в свой кабинет; у дверей я сбрасываю будничную одежду, запыленную и грязную, и облачаюсь в платье, достойное царей и вельмож; так должным образом подготовившись, я вступаю в старинный круг мужей древности и, дружелюбно ими встреченный, вкушаю ту пищу, для которой *единственно* я рожден; здесь я без стеснения беседую с ними и расспрашиваю о причинах их поступков, они же с присущим им человеколюбием отвечают... Я записал все, что вынес поучительного из их бесед, и составил книжицу (в оригинале: *uno opuscolo* – В.Р.) «*О государствах*», где по мере сил углубляюсь в размышления над этим предметом, обсуждая, что такое единоличная власть, какого рода она бывает, каким образом приобретается и сохраняется, по какой причине утрачивается. И если Вам когда-либо нравились мои фантазии, Вы и эту примете не без удовольствия, а государю, особенно новому, она может пригодиться, и я адресую ее Его Светлости Джулиано. Филиппо Казавеккья* видел эту книжку; он может подробнее описать, что она собой представляет и какие мысли я провожу в ней, хотя я еще не кончил ее пополнять и отделявать»¹⁸ (пер. М. Юсима).

Иногда высказывается мнение, что Макиавелли создал свое самое знаменитое произведение всего за полгода, с весны по осень 1513 года¹⁹. Согласимся, что эта точка зрения сомнительна, хотя бы потому, что в письме к Веттори автор сам упоминает, что его книга еще не полностью готова. Вообще мнение о том, что работа была закончена так быстро, выглядит очень уж отличным от того, что знает современная наука.

Как бы то ни было, время создания «Государя» – одна из многочисленных загадок этой книги. У нас есть всего несколько фактов, чтобы строить вокруг них предположения и заключения.

Во-первых, в письме Франческо Веттори от 10 декабря 1513 г. указывается, что уже «составлена книжица» «*О государствах*», посвященная Джулиано Медичи.

¹⁷ См., например, по этому вопросу Каппони М. Указ. соч. С. 222–223

¹⁸ Макиавелли Н. Письма // Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. М.: НФ «Пушкинская библиотека», «Издательство АСТ», 2004. С. 704

¹⁹ См., например, Микеладзе Н.Э. Шекспир и Макиавелли: тема «макиавеллизма» в шекспировской драме. М.: Издательство «ВК», 2005. С.21.

Во-вторых, доказано, что с 1513 г. в текст «Государя» не внесено упоминаний о каких-либо новых событиях или проявлениях политического опыта²⁰.

В-третьих, к моменту написания письма книга еще не была закончена.

В-четвертых, рукописей, датированных 1513 г. или 1514 г., не сохранилось. Вероятно, это означает, что Макиавелли в то время не хотел ее распространения. Возможно, он надеялся на то, что она все-таки будет прочитана Львом X и сыграет роль в его карьере. Среди первых рукописей в распоряжении исследователей есть только те, которые датируются предположительно начиная с сентября 1515 г. и до октября 1516 г.

В результате мы имеем следующее:

- основная часть работы или работа полностью была написана в 1513 г. и закончена по крайней мере в конце декабря этого года;

- последняя точка была поставлена не позднее осени 1516 г.;

- мы ничего не можем сказать о том, подвергалась ли работа текстуальной правке после 1513 г. до тех пор, когда Макиавелли решил сделать свой труд достоянием общественности. Правда, существует точка зрения, согласно которой нельзя исключать возможность того, что Макиавелли делал вставки и исправления даже в 1517 г. или в начале 1518 г.²¹

Попытки Макиавелли добиться внимания со стороны клана Медичи в этом случае окончились неудачей, несмотря на то, что ему все-таки удалось преподнести книгу Лоренцо. Тот не обратил на нее никакого внимания²².

Лоренцо умер в 1519 г. Власть над городом перешла к кардиналу Джулио Медичи, будущему папе Клименту VII. Отношение власти к Макиавелли постепенно меняется, он начинает выполнять различные поручения, затем получает от Флорентийского университета, который формально возглавлял Джулио, заказ на написание «Истории Флоренции». Естественно, бывший секретарь согласился и принялся за работу. Вообще-то это оказалась самая нелюбимая им своя книга, поскольку при ее написании он был вынужден кривить душой, дабы угодить власть имущим. В дальнейшем Макиавелли много думал и писал (в том числе свои знаменитые «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (далее – «Рассуждения») и «Мандрагору»; он был очень успешен в своих трудах), периодически занимался государственной деятельностью, хотя и не на таком уровне, как при Сoderини.

Умер он в 1527 г. Есть легенда, согласно которой перед смертью он рассказал своим друзьям, что у него было видение. Он увидел группу бедно одетых и жалко выглядящих людей, у которых спросил, кто они. Ответ был: мы получили благословление и направляемся в рай. Затем он увидел еще одну группу людей. Выглядели они весьма достойно и говорили о серьезных политических вопросах. Он узнал в них великих философов и историков античности, таких как Платон, Плутарх и Тацит. На аналогичный вопрос они ответили, что прокляты и направляются в ад. Рассказав это друзьям, Макиавелли добавил, что будет гораздо более счастлив говорить о политике с великими людьми прошлого в аду, нежели умирать от скуки в раю.

Вскоре после его смерти началась история самостоятельного существования «Государя» или «О государствах», как в действительности было названо это творение самим Макиавелли. История, похожая на захватывающий триллер. К сожалению, автор не присутствовал даже при его начале и едва ли мог предчувствовать, какой пожизненной славе он удостоится благодаря своему детищу.

В рукописи трактат начал распространяться еще при жизни автора. С согласия его или нет – сейчас сказать точно невозможно. Скорее всего – по крайней мере с явного попустительства, если не с молчаливого одобрения. Произведение переписывалось разными людьми, о чем

---

²⁰ Chabod F. Op. cit. P. 36

²¹ Baron H. Machiavelli: The republican citizen and the author of *The Prince* // English historical review, 1961, Vol. 76. P. 239

²² Каппони Н. Указ. соч. С. 239–240.

свидетельствуют дошедшие до нас 19 рукописных манускриптов²³. Ошибки при копировании тоже, разумеется, делались различные. Одно сравнение результатов – работа для многих историков, филологов и политологов²⁴.

Жизнь и творчество Макиавелли часто связаны со скандалами. Один из них – так называемый плагиат Агостино Нифо. Приблизительно через 350 лет после описываемых событий ученые установили, что книга последнего «Об искусстве правления» (*De Regnandi Peritia*) от 1523 г. выпуска является ничем иным как плагиатом с «Государя», разве что на латинском языке. С течением столетий страсти вокруг этого открытия приутихли, было обращено внимание на особенности эпохи в отношении авторского права, на то, что Нифо существенно переделал не только структуру, но и текст книги.

В этом событии больше вопросов, нежели утвердительных ответов. Дело в том, что Агостино Нифо, известнейший в свое время философ, астролог и медик, вроде бы не нуждался в том, чтобы присвоить себе чужие заслуги. У него своих хватало. Это был энциклопедически образованный человек, умный и работоспособный. Он был одним из самых известных тогдашних исследователей Аристотеля, издателем и комментатором сочинений арабского философа XII века Аверроэса. Трудов у Нифо было множество.

Одна из версий появления плагиата состоит в том, что философ стал ориентироваться на актуальные вопросы и воспользовался рукописью, показавшейся ему «бесхозной». Есть предположение, что сам Макиавелли был не против вольного обращения со своим трудом. К сожалению, реакция флорентийца на это событие доподлинно опять же неизвестна. Мы не знаем даже, было ли ему известно об этой публикации²⁵. Ирония судьбы в том, что издание Нифо было посвящено императору Карлу V, одному из тех «варваров», против которых так страстно выступал Макиавелли.

Возможно, что сам факт столь раннего «креативного плагиата»²⁶ уже в то время красноречиво свидетельствовал не только о провокационности «Государя», но и о несомненных достоинствах этого труда. В конце концов, брать, тем более много, можно только там, где есть что взять, в том числе много.

Уже после смерти Макиавелли его бывший покровитель папа Климент VII Медичи специальным декретом в 1531 г. позволил официальную публикацию сочинений флорентийца. Это оказалось прорывом плотины – дальше все пошло по нарастающей, причем неожиданно для всех действующих лиц.

Первое печатное издание «Государя» вышло в январе 1532 г. в Риме, в мае того же года – во Флоренции. Уже первая печатная публикация вызывает некоторые вопросы из-за имевшихся несоответствий рукописным вариантам, которые и сами по себе несколько различались текстуально²⁷. Противоречия были перенесены на последующие издания и первые переводы на иностранные языки. В целом же до 1557 г. было 15 изданий на итальянском и по крайней мере три в переводе на французский. Затем папа Павел IV, бывший глава инквизиции, внес все произведения Макиавелли в «Индекс запрещенных книг», по иронии судьбы опубликованный в том же издательстве, которое первое напечатало «Государя».

Решение это было косвенным доказательством популярности Макиавелли, оказавшегося в одном списке с Эразмом Роттердамским, Джованни Боккаччо и Франсуа Рабле. Книгоиздателей запрет, разумеется, не остановил. «Государь» печатался в протестантской Европе, про-

²³ Inglese G. *Per Machiavelli: L'arte dello stato, la cognizione delle storie*. Rome: Carocci, 2006. P. 51

²⁴ См. по этому поводу обязательно Machiavelli N., Inglese G. *De principatibus*. Roma: Istituto storico italiano per il medioevo, 1994; предисловие Inglese, особенно страницы 10-18

²⁵ См. по этому поводу интереснейшее исследование Anglo S. *Machiavelli – The first century. Studies in enthusiasm, hostility, and irrelevance*. Oxford, Oxford university press, 2005, где данному эпизоду с плагиатом Нифо посвящена отдельная часть работы

²⁶ Термин принадлежит, кажется, Сидни Англо. – Anglo S. *Op. cit.* P. 42

²⁷ Bertelli S., Innocenti P. *Op. cit.* P. xxviii-xxxvi

должались французские издания, в Венеции в соответствующих случаях просто не упоминалось имя автора или же год издания обозначался как 1550, т. е. до появления «Индекса».

В том же году, что и публикация Индекса, иезуиты публично сожгли изображение Макиавелли. В результате интерес к его работам и, в том числе, к трактату существенно усилился. Правда, было бы неверно считать, что это было главным образом естественной реакцией на гонения: работа действительно была революционной и откровенно провоцирующей.

Примечательно, что в относительно свободной от цензуры стране, чьей столицей был Лондон, в годы правления королевы Елизаветы ни «Государь», ни «Рассуждения» так и не были изданы. Во многом эта загадка в отношении английских публикаций работ Макиавелли, возможно, объясняется тем, что англичане по ряду причин предпочитали печатать пиратские копии, указывая в качестве места выхода континентальную Европу.

Европейское политическое сообщество с самого начала высоко оценило книгу Макиавелли. Рекламы тогда не было, современной нашему времени технологии производства «звезд» – тоже. Поэтому можно сказать с уверенностью, что интерес общества к работе флорентийца был подлинным. Другое дело, что публичной полемики она на первых порах не вызвала, что не удивительно, учитывая особенности того времени. Однако затем произошел резкий взрыв интереса к творению Макиавелли, вызванный, как мне кажется, в первую очередь провоцирующими тезисами книги и особенно непривычным для того времени отсутствием «католической» составляющей в изложении и аргументах.

О том, какими тогдашнее просвещенное общество хотело видеть требования, предъявляемые к государю, можно судить, например, по следующему отрывку из пьесы Лоренцо Великолепного «Священное представление о мучениках Иоанне и Павле». Вот император Константин оставляет власть трем своим сыновьям и дает им урок:

Знай, кто ее стяжает по наследству,
Что власть дает нам тысячи забот,
А с ними дух и тело изнемогут:
На вкус держава горше, чем на вид.
Кто хочет испытать, что значит править,
О высшем благе прежде помышляй,
И жизнь благую выбрать подобает,
Чтобы другим служила образцом...
Отринуть роскошь от себя и скупость,
В суде любому правду воздавать,
Быть ласковым, сердечным и любезным:
Владыка будь слугой своим слугам.

Данные слова вроде бы выглядят заветом самого Лоренцо²⁸, хотя он сам при жизни нарушал провозглашенные здесь принципы. Кстати говоря, Макиавелли вполне мог быть зрителем во время постановок пьесы, которую ставили несколько раз в начале 1490-х годов на площади Синьории. Парадокс заключается в том, что один из возможных зрителей разрушил тезисы, на которых в то время основывалась целая концепция о том, какой надлежит быть политике и какими надлежит быть государям.

Если в Италии власти разумно решили ограничить популярность Макиавелли соблюдением молчания вокруг его имени, то во Франции на него начались нападки, что подхлестнуло любопытство общества. А потом была Варфоломеевская ночь, в организации которой обвиняли вдовствующую королеву Екатерину Медичи, дочь того самого Лоренцо II Медичи, гер-

---

²⁸ Клулас И., Лоренцо Великолепный. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 223

цога Урбино, которому Макиавелли посвятил свою самую известную книгу. Многие в ту пору называли «Государя» «библией Екатерины». Ходили слухи, что каждый из детей французской королевы-матери носит с собой по томику самой известной книги Макиавелли²⁹. Почти наверняка эта точка зрения была существенной переоценкой любви сыновей (сказанное не относится к дочери Марго, жене Генриха Наваррского, будущего короля Генриха IV) Екатерины к книгам.

В 1576 г. гугенот Инносент Жентилье пишет книгу с характерным названием «Против Макиавелли», положив начало традиции монографической критики основоположника европейской политологии. Здесь, правда, следует отметить, что данный автор видел идеи Макиавелли осуществленными в правление Екатерины Медичи во Франции, что, по его мнению, привело к известной резне католиками протестантов.

В 1590 г. появляется сочинение Юстуса Липсиуса «Политические книги», где рассматриваются взгляды флорентийца на место религии в политике и государстве³⁰. В 1613 г... об этом же пишет Каспар Шоппе. В 1592 г. иезуит Антонио Поссевино³¹ открывает серию католических монографических работ с критикой Макиавелли. Затем Габриэль Нодэ обращается к взглядам флорентийца на дипломатию, а также идею макиавеллиевского государя. В 1648 г. выходит первая биография Макиавелли, написанная его земляком Якопо Гадди. В XVII веке начинается бурная популярность работ Никколо в Англии, пусть даже главным образом и со знаком «минус».

Слава Макиавелли постепенно охватывает большинство европейских стран, но она в то время носит преимущественно «дурной» характер³². Причем во всех ведущих европейских странах. Кстати говоря, существующая литература весьма много внимания уделяет критике взглядов Никколо, которая последовала после широкого распространения в Европе его трудов³³. Интересно, в частности, детальное изложение эволюции английского отношения к Макиавелли и его работам с начала XVI по конец XVII века.³⁴

Примечательно, что допуск к его сочинениям в библиотеках долгое время требовал специального разрешения. В 1611 г. рождается термин «макиавеллизм» и с успехом распространяется по миру. Критика «Государя» в ту пору идет со всех сторон и носит по большей части уничтожающий характер. Впрочем, впоследствии появляется более взвешенная точка зрения, однако, как будет указано несколько ниже, стереотипы сохранились до наших дней (обычно негативная точка зрения сегодня распространена в политических и журналистских кругах, где макиавеллизм рассматривается как крайний цинизм в смешении с вседозволенностью власти). Впрочем, не все было так однозначно уже в прежние времена, не говоря уже о сегодняшнем. Эта книга оказала влияние на Гоббса, Руссо, Спинозу³⁵, Харрингтона, Гегеля. Идеи Макиавелли были востребованы Декартом, Фрэнсисом Бэконом и Ришелье³⁶. Именно в результате влияния работ флорентийца начала формироваться концепция государственного интереса.

²⁹ Фрида Л. Екатерина Медичи. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. С. 37, 397

³⁰ См. Benio-Brocchieri V. L'individuo il diritto e lo stato nella filosofia politica di G.Lipsio. Saggio di storia della dottrine politiche. Bologna, 1931

³¹ В России этот автор больше известен благодаря своему путешествию через Московию и соответствующему его описанию

³² См., например, Sorrentino A. Storia dell'antimachiavellismo europeo. Naples: Lofferedo, 1936

³³ См., например, Fido F. Machiavelli. Palermo: Palumbo, 1965;

³⁴ См., например, Raab F. The English face of Machiavelli: A changing interpretation 1500–1700. London: Routledge and Kegan Paul, 1964. Этой проблеме посвящено несколько других серьезных трудов. Англичане как будто в этом отношении берут реванш за свое недостаточное внимание к основоположнику политологии в соответствующее время

³⁵ Об изучении Спинозой работ Макиавелли (Calvetti C.G. Spinoza lettore di Machiavelli. Milan: Vita e pensiero, 1972)

³⁶ Существует точка зрения, согласно которой основные идеи и цели Ришелье были взяты из идеологии Макиавелли (Church W.F. Richelieu and Reason of state. Princeton: Princeton university press, 1972. P. 32). Разумеется, это неверно. Хотя Ришелье, безусловно, внимательно знакомился с основным трудом флорентийца

Затем ее в том же столетии развил Жан Боден, а в начале XVII века – Гуго Гроций. Макиавелли оказал влияние даже на Декарта³⁷.

Фридрих II посвятил опровержению «Государя» свою собственную работу (написана она была еще в бытность его наследным принцем).³⁸ (Крайне критическое сочинение Фридриха вызвало немало позднейших нареканий³⁹). Однако, на мой взгляд, книга оказалась явно недооцененной. В основном этот труд был посвящен разгрому положений Макиавелли. Работа имела существенный успех у читателей, несмотря на то, что не была подписана. Все, правда, и без того прекрасно знали имя автора. Волна интереса к этому труду оказалась такой, что почти сразу же было осуществлено несколько недоброкачественных изданий этой работы, первое из которых по просьбе Фридриха безуспешно пытался остановить Вольтер.

Как ни парадоксально, однако оба труда, на мой взгляд во всяком случае, неплохо смотрятся вместе. Возможно, это впечатление создается потому, что Фридрих в основном выступал не столько как критик, а как комментатор, причем зачастую умный комментатор, работы флорентийца. Впрочем, к концу жизни король заявил, что Макиавелли все же был прав в своей оценке политики. Ирония судьбы состоит в том, что, выступая на словах против некоторых циничных тезисов Никколо, Фридрих в практической жизни главы государства следовал такой же циничной политике, в чем-то даже превосходя автора *Il Principe*.

Пришло время, и отношение к флорентийцу радикально изменилось. Макиавелли был признан основоположником европейской политологии. Сравнение с ним стало лучшей оценкой деятельности специалистов. Почти немыслимой – она означала возведение в стан небожителей (не случайно Макс Вебер как-то был назван «немецким Макиавелли»). Речь шла, конечно, не о том, что считается «макиавеллизмом», но о вкладе в политическую науку.

Огромный интеллектуальный вклад Макиавелли в дело освобождения и единства Италии. Его имя упоминали практически все вожди освободительного движения. «Я – Италия, великая и единая. И воспитал меня Николло Макиавелли», – писал поэт Джозуэ Кардуччи⁴⁰.

Довольно интересно сравнить известность Макиавелли с отношением историков к его знатному приятелю и выдающемуся итальянскому мыслителю Франческо Гвиччардини*. Последнего, кстати говоря, временами считали продолжателем макиавеллистской политики на практике, хотя это и неверно: он был «всею лишь» реалистическим политиком. Это был выдающийся политический мыслитель и заметный государственный деятель своей эпохи. Однако сейчас его имя за пределами его страны знают только несколько тысяч специалистов по итальянскому Возрождению, в то время как о Макиавелли по крайней мере слышали все люди, считающие себя образованными. Да и прижизненное интеллектуальное влияние политика и историка периодически переоценивают. Иногда утверждается, что возражения Гвиччардини против идей своего старшего (по возрасту) приятеля в работе «Размышления по поводу рассуждений Макиавелли о первой декаде Тита Ливия» подталкивали Италию на путь сохранения коммунальной средневековой разобщенности⁴¹. Да нет, для этого у него не хватало вышеупомянутого интеллектуального влияния, причем как после смерти, так и при жизни, когда его политическая звезда горела ярко и блеск ее казался несравнимым с якобы малозначимым в политике и своих сочинениях Макиавелли.

³⁷ Goyard-Fabre S. Descartes et Machiavel // Review de métaphysique et de morale. 1973. Т. 78. Р. 312–334

³⁸ Есть несколько интересных работ, посвященных этой теме, в том числе Fido F. Op cit. Р. 38–40; Sonnino P. Introduction // Frederick the Great. Frederick of Prussia. The refutation of Machiavelli's Prince or Anti-Machiavell. Athens, Ohio: Ohio university press, 1981. PP. 1–24; Schieder T. Friederick der Grosse und Machiavelli/Das Dilemma von Machtpolitik und Aufklärung // Historische Zeitschrift. 1982. N 234. S. 265–269

³⁹ Muralt L. Machiavellis Staatsgedanke. Basel: Benno Schwabe, 1945. S. 34–38

⁴⁰ Цит по: Рутенберг В.И. Титаны Возрождения. Л.: Наука, 1976. С.105. «Николло» стоит в процитированном тексте

⁴¹ De Caprariis V. Francesco Guicciardini. Della politica alla storia. Bari: Laterza, 1950

Можно с уверенностью сказать, что после своего бурного успеха «Государь» отчасти пал жертвой собственного успеха. Многие оригинальные и революционные мысли стали общепринятыми понятиями, уже не поражающими воображение читателей. Многие битвы, которые автор вел против ортодоксии, кажутся сейчас тривиальными и скучными, просто потому, что он давно уже одержал сокрушительную победу.

В настоящее время вклад Макиавелли в современную политическую науку общепризнан, а сам автор фактически канонизирован большинством политологов. Впрочем, в ряде случаев и в современной науке встречается скептическая нотка, а то и прямая критика в отношении не частных, а всей предложенной флорентийцем концепции, пусть даже такой подход и является исключением. Так, замечательный русский философ Алексей Лосев писал о Макиавелли, что «предлагавшиеся им методы государственного правления являются жесточайшим и античеловеческим механицизмом, возникшим в виде полной противоположности эстетическим и свободомыслящим идеалам возрожденческой Италии. «Государь» Макиавелли формально тоже является возрожденческим титаном. «Макиавеллизм» – все тот же возрожденческий титанизм; этот титанизм освобожден не только от христианской морали, но и от морали вообще, и даже от гуманизма».⁴² К личному поведению Макиавелли Лосев также относился крайне отрицательно.

Вообще очень трудно разобраться в причинах морализма, неожиданно овладевшего великим русским философом. Скорее, всего, причина заключается в недостатке его сведений о морали и нравах как героев Возрождения, так и самого Макиавелли. При желании можно и Леонардо да Винчи обвинить в множестве грехов, однако никто из современных исследователей этого, к счастью, не делает. И дело не только в том, что современное общество становится терпимее. Просто мы уже свыклись с мыслью о том, что существуют разные культуры, не говоря уже о временах, и не следует судить нечто только потому, что оно отличается от привычного нам.

Поклонники утверждали, что в «Государе» Макиавелли продемонстрировал способность исследователя выделить универсальные правила человеческого мышления, мотивации и действий, тем самым предвосхищая по духу образование Галилеем новой науки о природе⁴³. Исследователи проводят параллели между «Государем» и галилеевым трактатом «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки, относящихся к механике и местному движению»⁴⁴. Не случайно в настоящее время преобладающая точка зрения исследователей творчества Макиавелли состоит в том, что он, «взяв за критерий истины социальную действительность», сделал громадный шаг к научному описанию общественных отношений⁴⁵, за что его опять же сравнивали с Галилеем⁴⁶. Давно уже устоялось мнение, согласно которому бесполезно отрицать революционность, а также теоретическую и практическую значимость изысканий Макиавелли.

Вообще-то точки зрения на творчество флорентийца крайне разнились и разнятся. Есть довольно странная, с моей точки зрения, позиция, что Макиавелли не может быть квалифицирован как ученый, поскольку политическая наука вообще не является подлинной наукой⁴⁷. А другие считают, что в «Государе» предпринято научное исследование прошлого и настоящего, что позволило вывести научные уроки древних и современных событий⁴⁸. Выска-

⁴² Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1982. С. 557

⁴³ Olschki L. Machiavelli, the scientist. Berkeley, California: The Gillick press, 1945. P. 58

⁴⁴ Cassirer E. The myth of the state. New Haven: Yale university press, 1946. P. 129–139

⁴⁵ Юсим М.А. Истина у Макиавелли и у гуманистов // Проблемы культуры Итальянского Возрождения. Л.: Наука, 1979, с.77.

⁴⁶ Olschki L. Machiavelli the scientist. Berkeley, California: The Gillick press, 1945. P. 22.

⁴⁷ Scaglione A. Machiavelli the scientist? // Symposium. 1956. Vol. X. P. 244

⁴⁸ Spirito U. Machiavelli e Guicciardini. Rome: Edizioni Leonardo, 1945. P. 26–28

зывалось предположение (даже утверждение), что, в отличие от других работ Макиавелли, «Государь» есть действительно научный труд⁴⁹. Разброс мнений привычный для оценки трудов одного из самых знаменитых флорентийцев.

Существует мнение, что Макиавелли не имел намерения создать политическую науку, но собиравшись восстановить и очистить концепцию политической теории как главным образом риторическую практику, основанную на историческом знании и способности интерпретировать действия, слова и жесты⁵⁰. Справедливости ради следует отметить, что автор «Государя» действительно не думал создавать новую науку. Он ее просто создал между делом, не задумываясь о том, что делает.

Его называли человеком, который обогнал Фрэнсиса Бэкона с его индуктивным методом на полстолетия⁵¹. Макиавелли приписывают даже влияние на образование «чикагской школы» экономистов⁵². Утверждалось, что после его смерти начал умирать и период Ренессанса во Флоренции⁵³, что является явной переоценкой его влияния. Исследователи сравнивали «Государя» с «Утопией» Томаса Мора и «Городом солнца» Кампанеллы⁵⁴. Есть точка зрения, что есть что-то завораживающее в том, что и как писал Макиавелли, что-то, рождающее непреходящее беспокойство⁵⁵.

Традиция видеть в «макиавеллизме» политическую аморальность дошла до XX века⁵⁶ и даже до нынешнего. Макиавелли обычно упрекают в крайней циничности. Это верно, но только частично. Еще менее верно, что он проторил дорогу политической циничности, и что он оказал негативное влияние на последующие поколения политиков и политологов. На деле таким был его век, такими были его современники, такова была политическая практика тогдашних государей и политических деятелей. Последующие, кстати говоря, мало отличались от тех образцов, с которыми сталкивался и о которых писал флорентиец. Да и среди его современников было немало людей, которые не только мыслили не менее цинично, чем Макиавелли, но писали соответственно. Хватит одного изречения Гвиччардини: «Отрицай всегда то, что по-твоему не должно быть известно, и утверждай то, чему люди по-твоему должны верить; пусть многое тебя изобличает, пусть будет против тебя почти достоверность, но смелое утверждение или отрицание часто привлекает ум слушателя на твою сторону»⁵⁷.

Уточним здесь одно важное обстоятельство. Политический цинизм был, есть и будет. Он неизбежен для любого государственного деятеля, как неизбежны обман в личной жизни, недоговоренность в обращениях к Богу, эгоизм в общении с близкими, двойственность в любви к Отчизне. При всем том мы не должны принципиально идти на оправдание цинизма в политике, как бы его не называли и насколько бы он ни был необходим в конкретном эпизоде.

Впрочем, у Макиавелли были свои соображения по данному поводу. В «Рассуждениях» он высказался предельно четко: «... Когда на весы положено спасение родины, его не перевесят никакие соображения справедливости или несправедливости, милосердия или жестокости, похвального или позорного. Наоборот, предпочтение во всем надо отдать тому образу

⁴⁹ Chiapelli F. Studi sul linguaggio di Machiavelli. Florence: Le Monnier, 1952

⁵⁰ Viroli M. Machiavelli. New York: Oxford university press, 1998. P. 1–5

⁵¹ Wedgwood C.V. Niccolò Machiavelli // Truth and opinion: Historical essays. New York: MacMillan Co., 1960. P. 55–61

⁵² Bluhm W.T. Machiavellian *Virtù* and the emergence of freedom values: Machiavelli, the 'Chicago school', and theories of group process // Theories of the political system: Classics of political thought and modern political analysis. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, Inc., 1965. P. 199–247

⁵³ Clifford E. The end of the Renaissance in Florence // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance, 1965, T. 27. P. 7–29

⁵⁴ Riley W. The Renaissance: Niccolò Machiavelli // Men and morals: the story of ethics. New York: Frederick Ungar publishing Co., 1960. P. 195–206

⁵⁵ Berlin I. The originality of Machiavelli // Against the current: Essays in the history of ideas. Oxford: Clarendon press, 1979. P. 26

⁵⁶ Fanon F. The wretched of the Earth. New York: Grove press, 1963

⁵⁷ Гвиччардини Ф. Заметки о делах политических и гражданских // В кн. Гвиччардини Ф. Сочинения. М.: Academia, 1934. С. 105–229

действий, который спасет ее жизнь и сохранит свободу».⁵⁸ Так что другая сторона вопроса о циничности состоит в том, что Макиавелли был основоположником теории «государственных соображений»⁵⁹. Вероятно, эта точка зрения куда более близка к действительности, нежели все слова о цинизме флорентийца.

Давно уже создаются мифы о практическом вкладе Макиавелли в современную ему политику. Их очень много. Таково, скажем, мнение, что как политический деятель он был выдающейся фигурой своей эпохи⁶⁰. К совершенно анекдотичным относится утверждение С. Лозинского, что автор «Государя» «не без чувства гордости относил к своим последователям» папу Юлия II.⁶¹ Легенда о Макиавелли как человеке, реально делавшем большую политику даже в ограниченных условиях Флоренции, не имеет ничего общего с действительностью. Но в принципе в мифах о Никколо нет ничего удивительного: они вообще сопровождают замечательных людей, особенно после их смерти. Однако следует, видимо, раз и навсегда в этой книге установить, что, несмотря на огромный пиетет автора этих комментариев перед флорентийцем, я не вижу необходимости следовать пути некоторых моих коллег и несоразмерно возвеличивать его жизнь и его труды. Как, впрочем, и принижать их. В дальнейшем это будет заметно по комментариям к некоторым положениям рассматриваемого труда.

«Ограниченность деятельности Макиавелли, – писал Антонио Грамши, – что он являлся «частной личностью», писателем, а не главой государства или армии, который, также являясь отдельной личностью, имеет, однако, в своем распоряжении силы государства или армии, а не только армии слов».⁶² Здесь поневоле вспоминаются слова Сталина относительно связи политического значения Папы Римского с количеством находящихся в его распоряжении дивизий. Грамши⁶³, видимо, и прав, и не прав (а Сталин не был прав категорически). Можно смело предсказать, что современная политология и юридическая наука оказались бы весьма существенно обедненными, если бы в распоряжении флорентийца находилось государство или хотя бы армия. Он бы просто не написал свой знаменитый труд.

У «Государя» множество проблем и нерешенных вопросов. И масса загадок. Начнем с того, что Макиавелли, как было отмечено выше, написал его очень быстро и, если честно, в некоторых случаях (а может быть даже часто) несколько небрежно. Эта свойственная ему и в других случаях небрежность породила, в свою очередь, массу дополнительных проблем при комментировании этого произведения средневековой политологии. С подобными трудностями сталкивались все, кто обращался к этой книге. Несмотря на все уважение к гениальному флорентийцу, очевидно, что не все части его «Государя» носят равноценный характер.

«Государь» – самое знаменитое произведение Макиавелли. Одновременно с этим можно полностью согласиться с исследователями, которые указывают на то, что сколько-нибудь полно понять флорентийца без учета остальных его работ невозможно⁶⁴. Другое дело, насколько далеко можно пойти по этому пути. Дело в том, что здесь есть обратная сторона. В настоящее время вошло в практику дополнять и комментировать те или иные высказывания этой книги ссылками на другие работы, в первую очередь «Рассуждения». Временами это бывает правомерно. Однако не следует все же считать, что один труд («Государь») является только лишь частью другого («Рассуждения»)⁶⁵. Они писались в разное время, с разными задачами и

⁵⁸ Макиавелли Н. Рассуждения..., с. 343–344

⁵⁹ Meinecke F. Die Idee der Staatsrason in der neueren Geschicht.. München; Berlin, 1924.

⁶⁰ Рутенбург В.И. Макиавелли и его время // Проблемы культуры Итальянского Возрождения. Под ред. В.И. Рутенберга. Л.: Наука, 1979. С. 79.

⁶¹ Лозинский С.Г. История папства. М., Политиздат, 1986. С. 219

⁶² Грамши А. Дань истории. М: Политиздат, 1960. С. 80

⁶³ О влиянии Макиавелли на Грамши см., например, Sanquineti F. Gramsci e Machiavelli. Rome: Laterza, 1982

⁶⁴ Whitfield J.H. On Machiavelli's use of *ordini*. // Italian studies. 1955. Vol. X. P. 19–20

⁶⁵ Довольно распространенное мнение. См., например, Mantilla Pineda B. Maquiavélo o el iniciador de la ciencia politica

для разной аудитории. В целом можно поддержать точку зрения, что неправы те, кто считает, будто «Государь» и «Рассуждения» являются гармоничными частями единой и взаимосвязанной политической философии⁶⁶. Выделим также и то, что исследователи обращали внимание на расхождения в терминологии в двух самых известных политических произведениях Макиавелли⁶⁷.

В России у произведений Макиавелли своя история, прекрасно изложенная М. А. Юсимо⁶⁸. До революции к автору «Государя» относились весьма негативно. Ситуация изменилась в советское время. У нашей тогдашней науки было особое мнение: термин «макиавеллизм» в его общепринятом понимании возник из ложно понятого учения и неверно истолкованных идей знаменитого флорентийца. Причем эта точка зрения доминировала весь период изучения творчества Макиавелли в СССР⁶⁹. Формально секрет был прост: флорентиец, по мнению советских марксистов, «с редким мужеством и научной точностью изобразил в запоминающихся максимах приемы политической борьбы в классовом антагонистическом обществе...»⁷⁰ На деле причина столь доброго отношения к Никколо была проста: его высоко ценили классики марксизма.⁷¹

Особый вопрос – терминология, которая используется автором этих комментариев. Скажем, говоря о Макиавелли, я периодически прибегаю к слову «флорентиец». Надо сказать, что это делается в целях главным образом лексического разнообразия. Намека на состояние Италии в ту эпоху здесь нет, хотя использование данного понятия даже с этой точки зрения полностью оправдано. В целом же я придерживаюсь мнения, что терминологические новации в комментариях данного рода были бы неоправданными, так что в этой области читателю не следует ожидать неожиданностей и скрытых подвохов.

И, наконец, по поводу переводов «Государя» или «Князя» на русский. Их много и все они по-своему хороши. Отмечу, что переводчики пытались не засушить книгу в тонкостях терминологии, сделать ее доступной широкой публике. Однако в результате временами пропадает понятийная полифония Макиавелли, а некоторые отрывки оказались искажены в переводах. Впрочем, это же замечание относится и к другим заграничным переводам флорентийца, в том числе английским.

Скорее всего, такая вольность в подходе к переводам оказалась оправданной. Причина проста: в противном случае количество терминологических объяснений и уточнений выросло бы настолько, что напрочь отбило бы у большинства читателей желание знакомиться с самой знаменитой политологической работой всех времен и народов.

В связи с этим перед автором данных комментариев в свое время возникла тяжелейшая дилемма: не замечать некоторые принципиальные неточности в переводах означало бы фактически с самого начала отказаться от задачи, которую я себе поставил: прокомментировать текст «Государя». Одновременно с этим решать эту задачу буквалистски означало бы сделать текст малопонятным для читателей и превратить его в подобие интеллектуального соревнования на лингвистическом поприще с несколькими специалистами, зачастую уже ушедшими, причем судьями оказались бы опять же только несколько специалистов.

Что касается конкретных переводов «Государя» на русский язык, то их в общей сложности на данный момент шесть: Ф. К. Затлера (с французского), Н. С. Курочкина (с немецкого),

moderna // Revista de estudios politicos. 1967. Vol. 151. P. 5–21

⁶⁶ Baron H. Op. cit. P. 228; Hexter J.H. *Il Principe and lo stato* // Studies in the Renaissance. 1957. Vol. 4. P. 133; Cassirer E. Op. cit. P. 145–148; Caristia C. *Il pensiero politico di Niccolo Machiavelli*. Naples: Editore Jovene, 1951. P. 57

⁶⁷ Hexter J.H. Op. cit. P. 133

⁶⁸ Юсим М.А. Макиавелли в России: мораль и политика на протяжении пяти столетий. М.: ИВИ РАН, 1998

⁶⁹ См., например, Дурденевский В.Н. Макиавелли и государственная наука // «Советское право», 1927, № 3. С. 83–84

⁷⁰ Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль. М., 1976. С. 230

⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 314, 319

С. М. Роговина, М. С. Фельдштейна, Г. Д. Муравьевой, М. А. Юсима⁷². Для комментариев в данной работе был избран перевод Г. Д. Муравьевой как наиболее распространенный. Тем не менее, при необходимости в работе будут приведены альтернативные варианты, каждый из которых по-своему заслуживает внимания. Наиболее часто я прибегал к переводу М. Юсима.

Сравнение различных переводов вполне оправданно, в частности, из-за неточностей, вызванных трудностями интерпретации текста. Вообще абсолютно точный перевод с одного языка на другой невозможен, но с этой проблемой научились справляться. А вот со спецификой языка Макиавелли в его главном труде дело обстоит намного сложнее. Порядок слов в предложении временами бывает, скажем осторожно, специфический, а грамматика иногда хромает; четко выражено пристрастие к словам и понятиям, которые имеют несколько значений; нет определений используемым терминам; смысл некоторых предложений улавливается с трудом. Есть и другие проблемы, с которыми приходилось сталкиваться переводчикам «Государя».

Ну и о том, что может показаться явными ошибками данной работы.

Я обращался в этой книге по крайней мере к трем группам аудитории: студентам, ученым, просто интересующимся политикой. Отсюда очень большая (фактически неизбежная) возможность критики со стороны одной из частей возможной аудитории. Студентам не нужна углубленная сторона комментариев, политологам не нужны некоторые компилятивные (заранее признаюсь в этом) решения данной книги, «просто» интересующихся политикой будут наверняка раздражать те части материала, которые обращены к немногочисленным специалистам по Макиавелли.

В мое оправдание могу сказать лишь то, что если бы это была чисто научная работа, то она бы имела совсем другие параметры. Однако я не могу не принять во внимание и то обстоятельство, что комментарии по «Государю» крайне востребованы российским обществом. Тем более в настоящее время. И потому я согласен взять на себя бремя вполне заслуженной критики со стороны возможных оппонентов из всех трех групп потенциальной аудитории.

Я также взял за себя смелость временами проводить параллели между максимами Макиавелли, относящимися к Италии, и ситуациями в других странах. В первую очередь – в средневековой России. Не знаю, насколько это было оправданно – судить читателю.

Отмечу в заключение, что обилие сносок означает только уважение к авторам, которые разрабатывали затрагиваемую проблематику до меня.

---

⁷² Имеется еще «изложение», т. е. издание с сокращениями, А.Пресса – Общедоступная философия в изложении А.Пресса. Вып. III. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первых 10 книгах Тита Ливия. СПб., 1900

Государь

Хорошо известно, что Макиавелли озаглавил свою книгу «De Principatibus», т. е., в дословном переводе на русский: «О принципах» (более вольный, но имеющий полное право на существование перевод на русский – «О государствах» или «О княжествах»). Тем не менее, уже первое печатное издание данного труда появилось под названием «Il Principe» – «Государь» или «Князь». Причина переименования неизвестна. Интересно, что Макиавелли в «Рассуждениях» называет этот труд сначала *de Principati* (II, I), а затем *De Principe* (III, 42) – «О Государе».

На русском языке первое издание в переводе Ф. К. Затлера звучит как «Монарх»⁷³, второе – Н. С. Курочкина – «Государь»⁷⁴, третье – С. М. Роговина – «Князь»⁷⁵, последующее в «Academia» в переводе М. Фельдштейна уже в советское время – опять же «Князь»⁷⁶. Дальнейшие издания в своем большинстве ориентировались на заглавие «Государь», тем более, что по преимуществу они являлись перепечаткой ставшего очень популярным, хотя и временами неточного, перевода Г. Д. Муравьевой.

---

⁷³ Макиавель Н. Монарх. СПб.: Общественная палата, 1869

⁷⁴ Макиавелли Н. Государь. Рассуждения на первые три книги Тита Ливия. СПб., 1869

⁷⁵ Макиавелли Н. Князь. СПб., 1910

⁷⁶ Макиавелли Н. Сочинения. М.: Academia, 1934

Посвящение

*Никколо Макиавелли – его светлости
Лоренцо деи Медичи*

Устоявшаяся с некоторых пор точка зрения состоит в том, что посвящение было написано где-то между сентябрем 1515 и сентябрем 1516 гг.⁷⁷ Во всех рукописях данного периода есть посвящение Лоренцо II⁷⁸. В сентябре 1515 г. тот стал капитан-генералом Флоренции, а 8 октября 1516 г. – герцогом Урбинским. Соответственно, в последнем случае Макиавелли стал бы обращаться к нему не только как к «Его светлости» (*eccellenza*), но как к герцогу (*magnificus* и *Duke*)⁷⁹.

Здесь есть дополнительное уточнение. Макиавелли, как он сам писал в письме к Веттори, первоначально собирался посвятить свой труд Джулиано Медичи⁸⁰. Об этом было известно из того же письма, информация из которого могла быть известной во Флоренции. Джулиано умер в марте 1516 г. Едва ли опытный государственный чиновник стал бы искать нового адресата своего посвящения до смерти прежнего, тем более находящегося в родстве с Лоренцо. Соответственно, наиболее вероятно в этой ситуации, что новое посвящение появилось в промежутке между мартом и октябрём 1516 г.⁸¹

Таким образом, между написанием основного текста книги и окончательным выбором посвящения прошло минимум чуть больше двух лет. Немалый срок, за который произошло немало событий. За это время изменилась политическая ситуация, изменился «кадровый состав» власть имущих в Риме и во Флоренции, да и сам Макиавелли тоже переменился, причем весьма существенно.

В уже цитировавшемся выше письме Веттори от 10 декабря 1513 г. Макиавелли пишет, что закончил книгу о государствах (принципатах) и собирается поднести ее брату папы Льва X Джулиано Медичи. Понтифик сделал того gonfaloniere, главнокомандующим католической церкви – пост, на котором некоторое время назад был знаменитый сын не менее знаменитого папы Александра VI – Чезаре Борджиа. Поговаривали, что Лев X может по примеру Александра VI создать для своего брата княжество в центре Италии на основе папского государства в Романье. Больше того, некоторые исследователи считали, что Макиавелли надеялся на объединение Италии под властью папы из династии Медичи, в соответствии с моделью взаимоотношений Александра VI и Чезаре Борджиа⁸².

Если учесть верную службу Макиавелли республиканскому режиму Флоренции, то выбор адресата посвящения вроде бы выглядит странным. Кажется, что автор «Государя» не только с легкостью меняет политических покровителей, но и надеется, что новая власть забудет его политическое прошлое и прибегнет к его услугам. Однако Макиавелли с легкостью находит аргумент в пользу гарантии своей будущей лояльности клану Медичи. В письме послу Флоренции в Риме Франческо Веттори бывший секретарь Совета десяти утверждает, что Джулиано

⁷⁷ Baron H. The *Principe* and the puzzle of the date of the *Discorsi* //Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 1956, Vol. 18. P. 419

⁷⁸ В описании рукописей и первых книгопечатных изданий работ Макиавелли до сих пор уникальное и фундаментальное место занимает аннотированная библиография Адольфа Гербера (Gerber A. Niccolo Machiavelli: die handschriften, ausgaben und übersetzungen seiner Werke im 16. und 17. Jahrhundert, mit 147 faksimiles und zahlreichen Auszügen. Eine kritisch-bibliographische Untersuchung, 3 Bd. Gatha, 1912–1913).

⁷⁹ Ridolfi R. Vita di Niccolò Machiavelli. P. 439 и последующие

⁸⁰ Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. С. 704

⁸¹ Baron H. Machiavelli: The republican citizen and the author of *The Prince* P. 238

⁸² Strauss L. Machiavelli's intention. P. 25

Медичи может не сомневаться в его верности. Доказательство этого утверждения выглядит парадоксальным в лучшем духе автора «Государя»: лояльность гарантирована тем, что автор прежде был всегда безоговорочно верен своим покровителям, противникам клана Медичи.⁸³

К этим словам можно относиться по-разному. Марк Юсим замечает, что рассуждения флорентийца принадлежат потерявшему работу профессиональному политику, который забыл собственные рецепты политической мудрости и предлагает услуги бывшему врагу, на верность противнику которого он ссылается. Российский ученый увидел в этом либо крайнюю наивность, либо крайнюю беспринципность.⁸⁴

На мой взгляд, Макиавелли проявил скорее политический цинизм, чем наивность или беспринципность. Данные Юсимом определения («крайняя наивность» и «крайняя беспринципность») справедливы только по меркам нашего времени. У Макиавелли, безусловно, были иллюзии в отношении режима Медичи⁸⁵. Не надо забывать также об особенностях психологии минувших столетий. Макиавелли вел себя как типичный представитель своей страны и своей эпохи. Находясь в тюрьме, он даже пишет два сонета, посвященные «Великолепному Джулиано Медичи» и полные лести в отношении тогдашнего правителя Флоренции. И пусть даже ставка на «Государя» у него не удалась, работу он все же во Флоренции в конце концов получил, к тому же именно от семейства Медичи, пусть даже на условиях «временной занятости».

С другой стороны, есть немало исследователей, которые полны сомнений в отношении подспудных причин данного посвящения. В конце концов, после возвращения Медичи к власти, Макиавелли увидел Флоренцию поработанной, был заключен в тюрьму и подвергнулся пыткам, его карьера была разрушена. Разве в такой ситуации после освобождения из заключения люди тратят свои силы на то, чтобы научить своих врагов искусству управления государством? Добавим к тому, что Никколо был убежденным республиканцем. Отсюда версия, что данную работу автор писал как политическую сатиру⁸⁶. Правда, эта точка зрения не является популярной и совершенно не подтверждается перепиской самого Макиавелли⁸⁷, хотя сам по себе подход, безусловно, является оригинальным и остроумным.

Предполагаемый патрон Никколо, которому должна была быть посвящена книга, скончался в 1516 г... Позднее посвящение поэтому было сделано Лоренцо, сыну Пьетро Злосчастного, герцогу Урбинскому, внучатому племяннику Лоренцо Великолепного, ставшему преемником Джованни в качестве главы Флоренции. Все тому же Медичи.

Ситуация на деле исключительно проста: Макиавелли, как он пишет в следующем же предложении, собирался «снискать милость правителя». По той причине, что ему нужна была работа, и он надеялся, что клан Медичи таковую ему предоставит. Это, наверное, главная причина выбора адресата посвящения. Им должен был стать видный представитель клана Медичи. Не один, так другой. Есть и другая причина данного выбора. Исследователи отмечали, что мистический *новый* государь у Макиавелли появится скорее в лице молодого Медичи, нежели потерпевшего политическое поражение Чезаре Борджиа⁸⁸.

Другое дело, что автор «Государя» писал не только для Медичи. Антонио Грамши высказал предположение, что автор «Государя» ориентировался на политическую подготовку «неосведомленного», народ, городскую демократию⁸⁹. Мне кажется, что здесь есть сознатель-

⁸³ Макиавелли Н. Письма. С. 705

⁸⁴ Юсим М.А. Этика Макиавелли. М.: Наука, 1990. С. 13.

⁸⁵ Об иллюзиях и неопределенностях, связанных с надеждами Макиавелли в отношении Медичи см. Renaudet A. Machiavel. Paris: Gallimard, 1942. P. 90–118

⁸⁶ Mattingly G. Machiavelli's Prince: political science or political satire? // American scholar, 1958. Vol. 27. N 4. Autumn. P. 489–491

⁸⁷ Machiavelli N. Lettere. Milan: Feltrinelli, 1961

⁸⁸ Sasso G. Coerenza o incoerenza del XII capitolo del *Principe*? // Cultura. 1972. Vol. 10. P. 1–35

⁸⁹ Грамши А. Избранные произведения в трех томах. Том 3. Тюремные тетради. М.: Иностранная литература, 1959, с. 120–

ное лукавство. История «Тюремных тетрадей» прекрасно известна, так что у Грамши были причины выдвинуть данную точку зрения. Не мне, во всяком случае, критически относиться к той интеллектуальной игре, которая прослеживается в его предположении. Но Макиавелли писал все же не для того, чтобы политически образовывать «необразованных». Скорее основной аудиторией должен был стать круг, близкий к флорентийскому политологу, круг, который мы сейчас называем «политическим сообществом» (здесь очень интересна переписка Макиавелли с друзьями, которая показывает, насколько сильна была в его окружении тяга к политике и политическим дискуссиям)⁹⁰.

Так что есть достаточная доля уверенности в том, что «ядро» аудитории, на которую ориентировался Макиавелли, должны были составить, пользуясь терминологией Грамши, именно «осведомленные»⁹¹. Причем у нас есть свидетельства того, что последние с восторгом читали и перечитывали творение великого флорентийца. Недаром Ришелье заказал своему библиотекарю Машону «Апологию» Макиавелли. (Вообще надо сказать, что сравнение «Государя» Макиавелли и «Политического завещания» Ришелье⁹² не просто весьма интересно, но и способно, на мой взгляд, привести к некоторым неожиданным переоценкам тех или иных пассажей как итальянского мыслителя, так и французского государственного деятеля). Больше того, Ришелье оплатит за свой счет издание «Государя».

Резюмируя вышесказанное, мы получим следующие результаты в отношении аудитории, на которую ориентировался Макиавелли:

- клан Медичи;
- политическая элита Флоренции и, возможно, Италии;
- политическое сообщество Флоренции и, возможно, Италии;
- возможно, все, кого интересовала политика.

Ну, а теперь, перейдем собственно к комментированию текста.

Обыкновенно, желая снискать милость правителя, люди посылают ему в дар то, что имеют самого дорогого или чем надеются доставить ему наибольшее удовольствие, а именно: коней, оружие, парчу, драгоценные камни и прочие украшения, достойные величия государей. Я же, вознамерившись засвидетельствовать мою преданность Вашей светлости, не нашел среди того, чем владею, ничего более дорогого и более ценного, нежели познания мои в том, что касается деяний великих людей, приобретенные мною многолетним опытом в делах настоящих и непрерывным изучением дел минувших.

Если называть вещи своими именами, то у Макиавелли, конечно, не было того, что он с внешним удовольствием перечисляет: коней, оружия, парчи, драгоценных камней и прочего. Здесь, однако, важно обратить внимание на уверенность в себе Никколо, который искусно приравнял свои знания политики к наиболее ценным для того времени подаркам. Обратим также внимание, что в самом начале своей работы автор «Государя» отмечает, что в своей книге будет сочетать практическое знание современной политики с книжным знанием.

Есть точка зрения, согласно которой доминантное **Я** в «Государе» идентифицируется с Макиавелли как автором текста. Оно обращено к двойной аудитории, распознаваемой как **Ты** и **Вы**. Первое обращение – к идеальному государю, объекту коммуникации. **Вы** обращено

121

⁹⁰ Machiavelli N. Lettere. Особенно интересна в этом плане переписка с Веттори. Два товарища взахлеб обсуждают современную политику, порицают одни действия власть имущих, одобряют другие и вообще ведут себя как люди, влюбленные в политику. Особенно активен был Макиавелли, поскольку был лишен возможности заниматься политикой практической.

⁹¹ Анализ языка «Государя» показывает, что Макиавелли адресовал свою книгу широкому политическому сообществу. – Richardson B. The Prince and its early Italian readers // Niccolò Machiavelli's The Prince. New interdisciplinary essays. Manchester: Manchester University press, 1995. P. 20–22

⁹² Ришелье А-Н. дю Плесси. Политическое завещание, или Принципы управления государством. М.: Ладомир, 2008

к конкретному адресату, Лоренцо Медичи, действующему лицу, который может реализовать идеологию автора книги⁹³.

Положив много времени и усердия на обдумывание того, что я успел узнать, я заключил свои размышления в небольшом труде, который посылаю в дар Вашей светлости.

Возможно, что наиболее интересно здесь, почему Макиавелли написал именно «небольшой труд» (*uno piccolo volume*), ведь в глазах Медичи более объемистое сочинение вроде бы могло показаться приемлемее для тех целей, которые ставил перед собой автор. Одно объяснение на поверхности и уже упоминалось выше – флорентиец спешил как можно быстрее зарекомендовать себя в глазах победившего клана и получить у него работу. Второе объяснение вытекает из прагматизма Макиавелли: мне кажется, что небольшой объем книги во многом связан с тем, что он надеялся: занятые множеством дел Медичи и другие власть имущие скорее прочтут компактное, нежели объемное произведение. Он сам в одном из писем к Веттори сомневался в том, что у Джулиано Медичи найдется время для «Государя». Власть имущие вообще не любят читать большие труды. И раньше, и теперь.

Ирония судьбы заключалась в том, что когда Макиавелли преподнес Лоренцо Медичи свой *piccolo volume*, тот был так занят разглядыванием подаренной ему своры собак, что не обратил внимания на подарок. Что ж, Никколо любил подобные эпизоды. Правда, не тогда, когда они касались его лично.

И хотя я полагаю, что сочинение это недостойно предстать перед вами, однако же верю, что по своей снисходительности вы удостоите принять его, зная, что не в моих силах преподнести вам дар больший, нежели средство в кратчайшее время постигнуть то, что сам я узнавал ценой многих опасностей и тревог.

Здесь Макиавелли наверняка не случайно делает упор на личный практический опыт, на котором, по его словам, основано его произведение. Сам он писал в этой связи Веттори: «... По прочтении этой вещи будет видно, что я не проспал и не проиграл в бирюльки те пятнадцать лет, которые были посвящены изучению государственного искусства, и всякий захочет использовать богатый опыт человека, готового им поделиться»⁹⁴. Для него в той ситуации было жизненно важно подчеркнуть свои практические знания⁹⁵.

Я не заботился здесь ни о красоте слога, ни о пышности и звучности слов, ни о каких внешних украшениях и затеях, которыми многие любят расцветчивать и усащать свои сочинения, ибо желал, чтобы мой труд либо остался в неизвестности, либо получил признание единственно за необычность и важность предмета.

Нам всем очень повезло, что автор вроде бы не заботился о красоте слога и звучности слов в понимании своего века. Он мог бы это сделать – и получилось бы, возможно, подобие его стихотворений, о которых почти никто сейчас ничего не знает⁹⁶. За формой – почти наверняка неудачной, во всяком случае для нынешнего времени – пропал бы смысл великой книги.

Действительно, главное сочинение Макиавелли написано исключительно простым и вроде бы понятным языком; действительно в нем отсутствуют внешние словесные украшатель-

---

⁹³ Di Maria S. La struttura dialogica nel *Principe* di Machiavelli // Modern language notes. 1984. Vol. 99. P. 69–79

⁹⁴ Макиавелли Н. Письма. С. 705

⁹⁵ Есть интересные работы, посвященные его корреспонденции с Синьорией, в том числе Chiapelli F. Machiavelli as Secretary // Italian quarterly. 1970. N 53. P. 27–44

⁹⁶ Хотя когда известный публицист Ариосто не упомянул его в «Неистовом Орландо», перечисляя тогдашних ведущих итальянских поэтов, Макиавелли был очень обижен.

ства. Между тем, флорентинец был прекрасным писателем, снискавшим успех у аудитории не в последнюю очередь из-за взыскательного стиля. Тем не менее, он сознательно пошел по пути, который казался ему упрощением языка. Очередная загадка Макиавелли?

Впрочем, в отношении стиля далеко не все так просто, как могло бы показаться. Упрощение упрощением, однако Никколо был среди тех, кто самым активным образом принял участие в создании современного итальянского языка⁹⁷, хотя, когда речь идет о лексике Макиавелли, я полностью согласен с замечанием, что тут «мы находимся на флорентинской территории»⁹⁸. Иными словами, огромное значение имеют тогдашние особенности данного диалекта. Встречающиеся в текстах автора «Государя» идиомы образовались из двух источников: канцелярской лексики флорентинской коммуны XIII века и следствия частичной реформы языка государственных актов Колуччио Салютатти* во второй половине XIV века. Макиавелли объединяет эти два подхода и создает на их основе нечто своеобразное. Безусловно, в конкретных случаях выбор Макиавелли тех или иных лексических и синтаксических конструкций происходил в рамках авторского лингвистического сознания и характеризовал его личность⁹⁹. Следует подчеркнуть, что язык Макиавелли был одинаков и в его дипломатической корреспонденции, и в научных трудах.

Одновременно следует иметь в виду и то обстоятельство, что великий итальянец, как писалось уже давно и много раз, проявлял определенное пренебрежение к точности своей терминологии. В результате – бесконечные споры среди поколений исследователей по поводу того или иного понятия и огромная литература с анализом таких ключевых слов у Макиавелли как, например, *stato*, *virtù*, *fortuna* и др. Причем значительное число авторов не без успеха отстаивают правоту своих интерпретаций.

Этому возможны несколько объяснений. Первое и главное состоит в том, что Макиавелли был сыном своего времени. Судить его слог и разбирать терминологию можно только с учетом того факта, что требования нынешней науки в его эпоху еще не существовали. Отсюда и бросающаяся в глаза небрежность понятийного аппарата и вытекающие отсюда различного рода трактовки того или иного термина. По этому поводу есть немало скептических замечаний в исследованиях¹⁰⁰. Один из исследователей позволил себе даже уничижительное замечание относительно «примечательной ограниченности его политического словаря»¹⁰¹.

Второе объяснение заключается в цели, которую перед собой поставил флорентинец: написать что-то вроде учебника или даже скорее пособия для государей в отношении управления государствами. Все остальное казалось ему, якобы, побочным. Отсюда вполне естественное отношение к языку и понятийному аппарату.

Третье объяснение состоит в том, что работу желательно было написать быстро. Затем она почти не переделывалась или не переделывалась вообще. Это обстоятельство объясняет многое.

В-четвертых, следует иметь в виду дополнительно и то, что Никколо периодически был небрежен, что сказывалось и на его работе, и на взаимоотношениях с людьми.

В скобках попробуем представить, как хохотал бы Макиавелли (а он любил это делать), узнав о многочисленных трактовках используемой им терминологии.

⁹⁷ Язык Макиавелли изучается давно и с большим вниманием главным образом среди итальянских ученых. См., например, Chiapelli F. Gli scritti di Machiavelli segretario // Cultura y scuola. 1970. NN 33–34. P. 242–249; Chiapelli F. Ipotesi di ricerca sullo stile del Machiavelli // Cultura y scuola. 1970. NN 33–34. P. 250–254; Caretti L. Lo scrittore // Terzo programma. 1970. N 10. P. 49–57. Стилистика «Государя» затрагивается, в частности, в Wolin Sh. Machiavelli: Politics and the economy of violence // Politics and vision: Continuity and innovation in Western political thought. Boston: Little, Brown and Company, 1960. PP. 195–238

⁹⁸ Whitfield J.H. On Machiavelli's use of *ordini*. P. 20

⁹⁹ Chiapelli F. Nuovi studi sul linguaggio del Machiavelli. Florence: Le Monnier, 1969. P. vii

¹⁰⁰ См. по этому поводу, например, Hexter J.H. *Il Principe and lo stato* P. 1 13–1 14

¹⁰¹ Anglo S. Machiavelli: A dissection. London: Victor Gollancz, 1969. P. 242

Наконец, пятое возможное объяснение заключается в признаваемом немалым числом исследователей факте: сравнительно небольшое произведение Никколо написано в разных жанрах и разных стилях. Впрочем, здесь есть и другие мнения.

Я желал бы также, чтобы не сочли дерзостью то, что человек низкого и ничтожного звания берется обсуждать и направлять действия государей.

Здесь Макиавелли в своем очередном самоуничижении с точки зрения нашей современности прямо противоречит духу собственных заявлений о значимости своих трудов по исследованию основ власти и управления обществом, а также данного произведения (в котором он видит «средство в кратчайшее время постигнуть то, что сам я узнавал ценой многих опасностей и тревог»), однако в принципе это совпадает с нашими представлениями об особенностях той эпохи. Такое поведение в известных случаях была нормой, и это надо просто принять как естественную черту того времени.

И все же бросается в глаза **гордыня** автора (в действительности ему присущая, по свидетельствам его друзей), который не только обсуждает действия государей, но и берется направлять власть имущих в том, что касалось их действий в отношении государств. Эта гордыня особенно заметна на фоне искусственного принижения собственного образа («человек низкого и ничтожного звания»). Необходимый эмоциональный баланс воздействия на аудиторию, будь то один человек или множество, был, таким образом, достигнут. Один из приемов флорентийца. С другими нам предстоит познакомиться позднее.

Как художнику, когда он рисует пейзаж, надо спуститься в долину, чтобы охватить взглядом холмы и горы, и подняться на гору, чтобы охватить взглядом долину, так и здесь: чтобы постигнуть сущность народа, надо быть государем, а чтобы постигнуть природу государей, надо принадлежать к народу.

Внешне наблюдение это не совсем удачно с точки зрения истины. Едва ли сам Макиавелли отказывал себе в возможности постигнуть «сущность народа». Больше того, в своих книгах он нередко пытался, причем с успехом, выполнить эту задачу. Другое дело, что данная фраза, видимо, была продиктована желанием осторожно объяснить, почему «человек низкого и ничтожного звания» рискнул взяться поучать государей.

Можно, конечно, предположить и большее. Сам Макиавелли принадлежал к народу, Лоренцо II (до него – Джулиано) – к государям. Соответственно, данный пассаж можно интерпретировать при желании и как честолюбивое намерение стать вровень с тем, кому адресовано это посвящение. Втайне, конечно. В том числе втайне от Лоренцо II. Правда, мне временами все-таки кажется, что это слишком сложное объяснение слишком сложного замысла.

Наконец, есть предположение, что речь идет о сатирическом пассаже. Основанием этой точки зрения является, в частности, далеко не лестные высказывания о человеческих слабостях народа и государей, которые рассыпаны по этой книге.

Как бы то ни было, с точки зрения Макиавелли существует некая техника правления, правители и подданные могут иметь разную точку зрения на происходящее, и все зависит от перспективы, с которой наблюдаешь за событиями¹⁰².

Пусть же Ваша светлость примет сей скромный дар с тем же чувством, какое движет мною; если вы соизволите внимательно прочитать и обдумать мой труд, вы ощутите, сколь безгранично я желаю Вашей светлости достичь того величия, которое сулят вам судьба и ваши достоинства.

¹⁰² Berlin I. Op. cit. P. 40–41

В данном случае книга предстает прежде всего как своеобразное пособие для государей¹⁰³. Причем пожелание Макиавелли государю «*достичь того величия, которое сулят ваша судьба и ваши достоинства*» не пассивно, оно выглядит здесь деятельным: он, в конце концов, указывает на путь к выработке возможной стратегии государя. Сунь-цзы в свое время был более категоричен: «Если полководец станет применять мои расчеты, усвоив их, он непременно одержит победу; я остаюсь у него. Если полководец станет применять мои расчеты, не усвоив их, он непременно потерпит поражение; я уйду от него. Если он усвоит их с учетом выгоды, они составят мощь, которая поможет и за пределами их»¹⁰⁴.

И если с той вершины, куда вознесена Ваша светлость, взор ваш когда-либо обратится на ту низменность, где я обретаюсь, вы увидите, сколь незаслуженно терплю я великие и постоянные удары судьбы.

Прямое обращение Макиавелли за помощью к правящей флорентийской элите. Необходимо еще раз отметить, что в то время такое поведение зазорным не считалось. Больше того, иметь влиятельного покровителя, пусть даже и с помощью раболепия, выглядело вполне нормально и даже вызывало зависть.

---

¹⁰³ Высказывалось очень спорное мнение, что «Государь» – это попросту собрание практических советов для Джулиано (Clough C.H. Yet again Machiavelli's *Prince* // Annali istituto universitario orientali, Napoli. Sezione romanza. 1963. Т. 5. Р. 201–226). Хотя частичный резон в этом предположении все-таки есть.

¹⁰⁴ Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве // Конрад Н.И. Избранные труды. Синология. М.: Главная редакция научной литературы издательства «Наука», 1977. С. 26–27

Глава 1

Сколько видов бывают государства и как они приобретаются¹⁰⁵

Самая короткая глава книги. И одна из самых насыщенных. Фактически в ней речь идет о дальнейшей структуре данного труда. Макиавелли делает это в соответствии с принципами древнеримской риторики. Отдельно обратим внимание на стиль: доведенная до предела краткость. Тезисы не обсуждаются и не доказываются, как это будет делаться в других главах. Никто в начале книги ограничивается одной констатацией. Не случайно есть точка зрения, что Макиавелли открыл возможность разграничения между стилями аналитического политического исследования, с одной стороны, и всего остального, с другой. В обоих случаях разнились терминология и концепции¹⁰⁶.

В переводе Юсима заглавие данной главы звучит как «Какого рода бывает режим личной власти и какими способами она приобретается», что, на мой взгляд, более точно соответствует смыслу, который Макиавелли вкладывает в свой термин.

Обратим внимание, что заглавие главы в принципе соответствует первоначальному названию книги. Автор собирается писать труд о государствах и законах их существования. Немного позднее станет ясно, что все это экстраполируется на нужды государей. А затем последние безраздельно выйдут на первое место.

Итак, о чем в первую очередь эта работа: о государях, о государствах или же это советы государям? Мы сталкиваемся здесь с ситуацией, когда читатель фактически волен давать собственный ответ на этот вопрос, причем практически каждый ответ будет содержать значительную часть истины. Но почему?

Моя гипотеза (основанная, впрочем, не только на особенностях авторской психологии вообще и макиавеллиевской в частности, но и на текстуальном анализе «Государя») сводится к тому, что лично для флорентийца вся эта проблема не имела принципиального значения. Уже говорилось о том, что времена научной точности понятий в политологии при Макиавелли еще не наступили (да и о самой политологии в ту пору никто не слышал), так что авторы могли чувствовать себя свободными там, где сегодня властвуют жесткие рамки и негласные табу. Когда флорентийцу хотелось, он писал о государствах, когда считал нужным – о государях или давал им советы, если полагал правильным – обращался к правителям и читателям с пламенным призывом к освобождению Родины. Может быть, именно так и создаются великие произведения?

Отдельно следует выделить строгое научное начало этой едва ли не самой известной в мире политологической работы. Традиционно некоторые исследователи сравнивают его с эмоциональной, внешне совершенно ненаучной концовкой. Они же выделяли совершенно антирационалистский характер подачи материала в данной книге Макиавелли. Совершенно очевидно и стилевое разнообразие «Государя», переходящее в противоречие.

Мое мнение сводится к тому, что сам Макиавелли уделял единству своего стиля гораздо меньше внимания, чем исследователи его творчества. Может даже показаться, что он просто писал так, как ему нравилось, и это суждение не будет откровенной ошибкой. Другое дело, что он в своей книге инструментален до предела, что, на наш взгляд, было упущено некоторыми предыдущими комментаторами. Иными словами, все в книге подчинено – пусть и нередко на

---

¹⁰⁵ Хотя текст «Государя» написан на итальянском, заглавия глав в рукописных копиях были на латыни. Их перевод на итальянский в первом печатном издании Макиавелли, скорее всего, не принадлежал. Впрочем, полностью исключить эту версию нельзя.

¹⁰⁶ Wolin Sh.S. Politics and vision. P. 184

подсознательном уровне – решению нескольких основных задач. В результате мы наблюдаем в этой книге сознательное или бессознательное смешение стилей для более глубокого воздействия на читателя, для того, чтобы с большей уверенностью побудить его совершить то самое действие, которого хочет от него автор.

Мне хочется особо оговорить, что в таких случаях, как анализ «Государя», интерес и интеллектуальное удовольствие доставляют не только ответы на те или иные поставленные проблемы. Не меньший интерес и не меньшее удовольствие, как мне хочется верить, приносят и формулировки вопросов и загадок, связанных с таким произведением, как работа Макиавелли.

Все государства, все державы, обладавшие или обладающие властью над людьми, были и суть либо республики, либо государства, управляемые единовластно.

При переводе и понимании этого предложения возникло множество противоречий. Поэтому сразу же сошлемся на различные подходы к нему. В переводе Курочкина на русский звучит следующее: «Все гражданские общества в государственном смысле представляются или монархиями или республиками». У Роговина: «Все государства, все формы господства, которые имели и имеют власть над людьми, были и есть или республики, или княжества». В переводе Фельдштейна: «Все государства, все власти, которые господствовали и господствуют над людьми, были и суть или республики, или княжества». В переводе Марка Юсима это предложение выглядит следующим образом: «Все государства, все правительства, когда-либо главенствовавшие над людьми, подразделяются на республики и принципаты». В версии самого автора: «*Tutti gli stati, tutti e' domonii che hanno avuto y hanno imperio sopra gli uomini, sono stati e sono o repubbliche o principati*».

В рассматриваемом предложении речь идет о типах государственного устройства. Здесь Макиавелли не пошел по пути Аристотеля и Платона (об интеллектуальных переплетениях между Платоном, Аристотелем и Макиавелли написано немало¹⁰⁷). Каждый из этих двух древних философов создал куда более разветвленную систему государственного устройства, нежели флорентиец. Платон, например, в диалоге «Политик» упоминает монархию, тиранию, аристократию и два вида демократии (есть точка зрения, согласно которой Макиавелли находится все же ближе к Платону, чем к Аристотелю¹⁰⁸). Впрочем, считается, что эта фраза флорентийца все же вызвана прямым влиянием Стагирита. Как отмечали некоторые комментаторы «Государя», первая глава у Макиавелли носит ярко выраженный антиаристотелевский характер¹⁰⁹. Я с этим не вполне согласен (Макиавелли вообще крайне редко полемизировал со своими предшественниками и, во всяком случае, никогда не делал этого прямо¹¹⁰), однако эта точка зрения, безусловно, имеет право на существование. Поэтому обратим внимание, что Аристотель насчитывал в общей сложности целых шесть государственных устройств, как «правильных», так и «неправильных»¹¹¹.

¹⁰⁷ См., например, Vitale E. Platone, Aristotele, Machiavelli. Torino: Giappichelli, 1989. Впрочем, есть точка зрения, что взгляды Макиавелли находились в остром контрасте с работами Платона и Аристотеля. См. Rauch L. Machiavelli: The state as a work of art // The political animal: Studies in political philosophy from Machiavelli to Marx. Amherst: University of Massachusetts press, 1981. P. 1–15

¹⁰⁸ Strauss L. Thoughts on Machiavelli. Glencoe, Illinois: The Free press, 1958. P. 285; Werner E. Machiavel et Platon // Revue de métaphysique et de morale. 1973. Vol. 78. P. 295–311

¹⁰⁹ Gilbert A. Op. cit. P. 19

¹¹⁰ Довольно характерна реакция Макиавелли на критическое замечание Веттори в личной переписке по поводу «Политики»: не знаю, что об этом сказал Аристотель, однако я определенно могу сказать, что может существовать, что существует и что существовало.

¹¹¹ Аристотель. Политика // Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 457

Важно здесь то, что эти великие древнегреческие философы предпочитали более детальную классификацию типов государства, а Макиавелли ограничился самой простой. Проблема, конечно, не в том, что флорентиец из-за недостатка классического образования не знал древнегреческого¹¹², пусть даже его отец и торговал, помимо прочего, античной литературой¹¹³. Ему прекрасно была известна классификация государственного устройства Аристотеля, что он и доказал в одной из своих работ¹¹⁴. Другое дело, что он сделал это с ярко выраженной неохотой и без упоминания имен.

Как бы то ни было, данное разделение типов государств в данной главе идет, возможно, либо из древнеримской истории, либо из современного Макиавелли положения в Италии, когда венецианская республика противостояла остальным авторитарным государствам¹¹⁵.

Кроме того, автор «Государя» помнил, разумеется, и республиканское прошлое Флоренции.

В этом отрывке флорентиец в первый раз в своей работе упомянул термин *stati*, от *stato*, государство. И тут мы сразу сталкиваемся с существенной трудностью в понимании Макиавелли. Дело в том, что авторская рукопись «Государя» до нас не дошла. Известно несколько рукописных копий, а затем начались первые печатные издания. В публикации 1550 г. (Testina) и позднейших репринтах этого издания в предложении есть только две запятые – после слов «государства» и «людьми». Значение запятых не следует, разумеется, переоценивать, однако легко предположить, что *stati* в данном случае равнозначны *dominii* или даже вообще определяются как таковые. А вот *dominii* осуществляют *imperio*. Таким образом, *stati* в данном случае это *dominii*, осуществляющие *imperio*¹¹⁶. В результате получается, что три последних перевода на русский из процитированных выше более адекватны, чем два первых.

Вообще значение термина *stato* или *государство* у Макиавелли исследовалось многократно. Среди ранних российских авторов наиболее удачная трактовка, на мой взгляд, принадлежит Алексею Дживелегову¹¹⁷, шедшему все-таки, как мне кажется, из слишком уж широкого понимания данного термина.¹¹⁸ Учтем, однако, что современная политическая наука с тех пор ушла значительно вперед¹¹⁹. Сколько-нибудь подробный обзор этой литературы оказался бы здесь занимающим слишком много места и потому неэффективным с точки зрения целостности данной работы. Поэтому приведу лишь мнение Евгения Темнова: новый термин введен для обозначения «новой политической реальности», т. е. «больших, независимых централизованных, национальных государств»¹²⁰. Есть утверждение, что *stato* у Макиавелли в «Государе»

¹¹² Напомню – не в оправдание Макиавелли, а просто к слову, что и Петрарка не знал древнегреческого, несмотря на то, что собрал ценную библиотеку античных рукописей.

¹¹³ Абрамсон М.Л. Человек итальянского Возрождения. Частная жизнь и культура. М.: РГГУ, 2005. С. 92

¹¹⁴ Он их старательно перечислил в своих «Рассуждениях». С. 15.

¹¹⁵ Gilbert A. Op. cit. P. 19

¹¹⁶ В этой связи можно упомянуть, что *dominium* означало феодальное владение, а *imperium* – суверенитет или независимость. – Dowdall H.C. The word “State” // Law Quarterly Review. 1923, Vol. XXIX, January. P. 111

¹¹⁷ О жизни и деятельности этого, к сожалению, во многом забытого сейчас, автора см., например, Девятова Ю. Триумф и трагедия отечественного либерализма. Жизненный путь и эволюция общественно-политических взглядов А.К. Дживелегова (1875–1952) // Армянский вестник, 1998, № 3–4

¹¹⁸ Соответствующий комментарий Дживелегова см.: Дживелегов А.К. Никколо Макиавелли // Макиавелли. Соч. Том 1. М.; Л., Academia, 1935. С. 333–335

¹¹⁹ Среди многочисленных работ относительно *stato* выделяю, в частности, Mansfield H.C. On the impersonality of the modern State: a comment on Machiavelli's use of *stato*. // The American political science review. 1983, Vol. 77. P. 849–857; Caristia C. Op. cit. P. 109–135; Rubinstein N. Notes on the word *Stato* in Florence before Machiavelli // Rowe J.G., Stockdale W.H. eds. Florilegium historiae: Essays presented to Wallace R. Ferguson. Toronto: University of Toronto press, 1971. P. 313–326; Levi A. W. “De interpretatione: Cognition and context in the history of ideas” // Critical inquiry. 1976, Vol. 3. P. 153–178; Hexter J.H. Op. cit. P. 113–138.

¹²⁰ Темнов Е.И. Макиавелли – политический писатель // Макиавелли. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., Мысль, 1997. С. 13

на 75 процентов представляет собой современное понимание этого термина, включая политическое, национальное и территориальное наполнение¹²¹. Впрочем, здесь есть и другие точки зрения¹²². Например, что *stato* у Макиавелли можно понять только в контексте существования тогдашних итальянских государств, которые были и большие, и маленькие, и полностью независимые, и независимые только отчасти. Риккардо Фубини вообще утверждал, что *stato* в документах пятнадцатого века очень часто было синонимом термина политика, *politica*¹²³.

Уже на примере отношения исследователей к первому разбираемому понятию легко заметить, что проблема терминологии в сочинениях Макиавелли по-прежнему актуальна. Делавшиеся попытки решить этот вопрос¹²⁴ можно назвать только началом, за которым не следовало надлежащего продолжения. Это немудрено, учитывая особенности отношения автора к терминологическому аппарату. Надо предупредить, что пока речь идет только об одном понятии. Через некоторое время ситуация многочисленных диспутов в отношении других основных понятий, использованных в данной книге, повторится еще несколько раз.

Как бы то ни было, в общей сложности в «Государе» термин *stato* употребляется 114 раз. Для книги, которая содержит около 15 тысяч слов, к тому же наполненной различного рода историческими примерами, это является довольно высокой интенсивностью использования¹²⁵ (В другом случае тот же исследователь насчитывает 115 употреблений *stato* в «Государе»¹²⁶).

Если ориентироваться на то, что Макиавелли писал в этой книге, то выяснится, что у него есть разные подходы к термину *государство*. Попробуем их рассмотреть¹²⁷ хотя бы отчасти, а потом будем обращаться к ним по мере комментирования текста.

Первый пример. Фердинанд Арагонский* «в начале своего царствования ... вторгся в Гранаду и тем самым заложил основание своего правления» (пер. М. Юсима, гл. XXI). На деле он «заложил основание» *dello stato suo*, т. е. своего государства. Как бы то ни было, перевод Юсима вполне в русской переводческой традиции. Хотя, возможно, Макиавелли, если учитывать контекст его высказываний, имел в виду, что Фердинанд заложил основы своего *нового государства*.

Второй пример. В Турции или Египте властителем и преемником султана становится человек, «получающий власть от уполномоченных на это лиц. И поскольку обычай этот древний, речь не может идти о новой власти, ибо здесь не встречаются присущие ей трудности, ведь если государь и новый, то государственные порядки старые (*gli ordini di quello stato – B.P.*), и они так же пригодны для него, как и для наследного государя» (пер. М. Юсима, гл. XIX).

Третий случай. «Римляне... поступали так, как надлежит поступать всем разумным государям: они помышляли не только о нынешних, но и о будущих заботах и искали пути, как с ними справиться. Ведь предвидя их заранее, легко найти выход, а когда беда приблизилась, болезнь становится неизлечимой, и лекарство уже не ко времени. Получается так, как врачи говорят о чахотке, что вначале ее легко вылечить, но трудно распознать, а по прошествии времени, если с самого начала она была запущена, болезнь становится очевидной, но трудноизлечимой. То же и в государственных делах... (*nelle cose di stato*)» (пер. М. Юсима, гл. III).

¹²¹ Chiapelli F. Studi sul linguaggio di Machiavelli. P. 68

¹²² Hexter J.H. *Il Principe and lo stato*. P. 135–137

¹²³ Fubini R. Note Machiavelliane e paramachiavelliane a proposito della relazione di N. Rubinstein // *Studies on Machiavelli*. Ed. By Myron P. Gilmor. Florence: Sansoni, 1972. P.390

¹²⁴ Например, De Vries H. Essai sur la terminologie constitutionnelle chez Machiavelli (*Il principe*). Amsterdam: Uitgeverij excelsior, 1957

¹²⁵ Hexter J.H. Op. cit. P.117

¹²⁶ Hexter J.H. The loom of language and the fabric of imperative: The case of *Il Principe* and Utopia // *American historical review*, 1964, Vol. 69. P. 952–953

¹²⁷ Hexter J.H. *Il Principe and lo stato*. P. 127

Четвертое. «Затем, новоиспеченные государства, как и все другие скороспелые порождения природы, не располагают корнями и разветвлениями, которые спасли бы их от первой непогоды» (пер. М. Юсима, гл. VII).

Пятое. «... Эти немногие не решаются выступить против мнения большинства, на стороне которого защищающее его величие государства (пер. М. Юсима, гл. XVIII).

Шестое. «Основанием же всех государств, как новых, так и древних и смешанных, служат хорошие законы и хорошие войска» (пер. М. Юсима, гл. XII).

Отметим также, что когда Макиавелли использовал термин *государство* применительно к правительственному аппарату, он обычно старательно подчеркивал, что последний должен целиком оставаться в руках государя. Иными словами, *lo stato* в этом случае остается эквивалентным *lo suo stato* (его *государство*), собственного государства правителя¹²⁸.

В целом же можно предположить, что копия по поводу данного термина ломаются по большей части напрасно. Теория государства Макиавелли в данной книге попросту не интересовала. Ему всего лишь хотелось давать советы государям.

Макиавелли проявляет себя в данном случае как современный по нашим меркам политический консультант. В сегодняшней России это значит: как можно меньше теории, как можно больше практики (хотя мне приходилось встречать и таких продвинутых консультантов, которые оправдывали свою практику чужой теорией. Естественно, что такой подход оплачивался несколько выше). Эта позиция оправдана со стороны интересов заказчика и вполне естественно, что нанимаемый эксперт должен быть готов к этому с самого начала. Похоже, что автор «Государя» имел в виду именно этот случай. Впрочем, мы не можем на этом основании уклониться от анализа терминологии.

Последние могут быть либо унаследованными – если род государя правил долгое время, либо новыми.

Макиавелли здесь продолжает действовать в рамках нарочито строгой формы изложения. Все вроде бы поддается делению и анализу, все может быть подсчитано. Комментаторы здесь иногда¹²⁹ отмечают, что упоминание *новых монархий* являлось у Макиавелли относительно неожиданным для его времени, хотя и, возможно, было частично заимствованным у Тацита.¹³⁰ Правда, с моей точки зрения, флорентийцу не нужно было рыться в работах древнего римлянина, дабы вспомнить о том, что происходило на его глазах или было совсем недавней историей. Об этом свидетельствует уже следующая его фраза, в которой упомянуты Франческо Сфорца* и захват Испанией Неаполя.

Что касается понятия *государь* (*il principe*), то оно употребляется Макиавелли в отношении всех независимых глав государств. Уже в самом начале книги видно, что для автора они делятся на две группы: *наследных* и *новых* правителей. В случае с последними флорентийец чаще всего обращался к деятельности сына папы Александра VI Чезаре Борджиа и Франческо Сфорца.

Новым может быть либо государство в целом – таков Милан для Франческо Сфорца; либо его часть, присоединенная к унаследованному государству вследствие завоевания – таково неаполитанское королевство для короля Испании.

¹²⁸ Skinner Q. The State // Ball T., Farr J., Hanson R. (eds). Political innovation and conceptual change. Cambridge: Cambridge university press, 1989. P. 103

¹²⁹ Gilbert A.H. Op. cit. P. 19

¹³⁰ О проблеме в целом см. Toffanin G. Machiavelli e il Tacitismo. Naples: Guida Editori, 1972; Aerts E. Niccolò Machiavelli // Spiegel Historiae. 1979. Vol. XIV. S.72-79

Принципиальное замечание для последующего понимания идей «Государя». *Новым государством* может быть и то, которое присоединило к себе другую завоеванную страну. В XXI главе, например, пойдет речь о Фердинанде Арагонском, который захватил мусульманскую Гранаду и стал, тем самым, *новым государем* в классификации флорентийского мыслителя.

Отмечу также, что Милан и Сфорца являются для Макиавелли одними из любимейших примеров для иллюстрации своих тезисов. Это объясняется несколькими причинами: действительной значимостью Милана для политической жизни Италии и в целом, огромной ролью, которую он сыграл в Итальянских войнах того времени¹³¹, традиционными тесными связями, которые были между Сфорца и правившими во Флоренции Медичи.

Родоначальником династии Сфорца был Муцио Атендоло (1369–1424), выходец из среды зажиточных крестьян. Свое прозвище Сфорца получил за физическую силу, хотя есть и другие объяснения¹³². Его сын, Франческо Сфорца (1401–1466), кондотьер на службе многих итальянских правителей, в 1450 г. захватил Милан и провозгласил себя при поддержке горожан его герцогом. Он стал первым из своей династии миланских герцогов (1450–1535).

С нашей точки зрения, довольно любопытно здесь, что выходцы из крестьянской среды смогли основать династию, которая в условиях постоянных войн и неурядиц просуществовала, пусть и с перерывами, более столетия и дала жизнь ряду феодальных фамилий. И не только интересно, но и чрезвычайно важно с точки зрения социальной мобильности, которая была относительно высокой. Удачливый авантюрист мог в Италии действительно сделать стремительную карьеру на политическом поприще. А вот средневековая Россия, напротив, в целом была обделена примерами такого рода. Правда, при Иване IV в Думе в конце концов бояр отчасти заменили неродовитые любимцы царя, однако при Федоре Ивановиче численность боярской курии почти сразу же удвоилась, а курия думных дворян оказалась фактически разогнанной.¹³³

В XVII веке ситуация несколько изменилась, если вспомнить приток в столицу провинциального дворянства (хотя бы талантливейший Афанасий Ордин-Нащекин при Алексее Тишайшем), подъем Лопухиных и Нарышкиных. Впрочем, все это касалось только дворянства, разве что вспомнить фантастический взлет Строгановых. При Петре I путь вверх для талантливых и удачливых был гораздо проще, однако затем положение изменилось в худшую сторону. Сделать карьеру в церкви было намного легче (здесь нельзя не привести в пример родившегося в крестьянской семье патриарха Никона).

Новые государства разделяются на те, где подданные привыкли повиноваться государям, и те, где они искони жили свободно; государства приобретаются либо своим, либо чужим оружием; либо милостью судьбы, либо доблестью.

В переводе Марка Юсима данный отрывок выглядит следующим образом: «Эти новообетенные территории (*questi dominii*) либо уже приучены подчиняться единоличному правителю, либо до этого пользовались свободой; присоединяют же их либо силой собственного оружия, либо с чужой помощью, либо волею судьбы, либо благодаря своей доблести».

Фактически здесь мы имеем, в соответствии с рецептами античных риториков, что-то вроде предварительного и схематического плана ближайших последующих частей «Государя». Достоверно известно, между тем, что труд Цицерона «Об ораторе» в семье Макиавелли

¹³¹ Об Итальянских войнах см., например, Taylor, F. L. *The Art of War in Italy, 1494–1529*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1973

¹³² *Sforzare* – принудить силой

¹³³ Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М.: Наука, 1978. С. 21–22

имелся¹³⁴. В этом отношении уже было замечено, что структура «Государя» и особенности изложения материала соответствуют правилам римской риторики¹³⁵

---

¹³⁴ Об этом свидетельствует книга записей Бернардо Макиавелли, отца Никколо. – Machiavelli B. Libro di ricordi. Ed. Cesare Olschiki. Florence: Le Monnier, 1954. P. 123. Анализ содержания дневника см. Atkinson C. Debts, dowries, donkeys. The diary of Niccolò Machiavelli's father, Messer Bernardo, in Quattrocento Florence. FrankfurtM: Dialoghi/ Dialogues, 2002

¹³⁵ Viroli M. Machiavelli. P. 77. Соглашаясь в принципе с Вироли и его предшественниками, следует все же отметить, что Макиавелли не пошел до конца в следовании формальным законам римской риторики, указав схематически только темы ближайших глав своей книги. Ровно так же он не был до конца последователен и в применении приемов римской риторики в изложении своих доказательств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.